

1-го Марта № 5. 1863 года.

I.

**ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.**

Святѣйшій правительствующій синодъ преподаль благословеніе свое старостѣ херсонскаго Екатерининскаго собора артиллеріи полковнику Кесарію Павлову, за усердную службу въ должности церковнаго старосты и пожертвованія въ пользу означеннаго собора. (Указ. 24 Генв. № 250).

Святѣйшій правительствующій синодъ указомъ 31 истекшаго Генваря далъ знать всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, подвѣдомственнымъ св. синоду, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ исполненія и руководства о Высочайше утвержденномъ въ 26 день Ноября 1862 года мнѣніи государственнаго совѣта, касательно разграниченія церковныхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Сіе мнѣніе слѣдующаго содержанія: Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ заключеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, о разграниченіи церковныхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, *мнѣніемъ положилъ*: постановить по сему предмету слѣдующія правила: I. Церковныя земли, формально обмежеванныя съ постановленіемъ межевыхъ знаковъ, могутъ быть обмѣниваемы на другія при разграниченіи (разверстаніи) земель крестьянскаго надѣла отъ остающихся въ распоряженіи помѣщика не иначе, какъ по добровольному соглашенію помѣщика, церковнаго причта и подлежащаго епархіальнаго начальства (Свод. Зак. Т. X ч. III ст. 790). *Примѣчаніе.* Правило сіе распространяется и на такіе участки церковной земли, которые хотя еще не обмежеваны формально, но присуждены въ неоспоримое владѣніе церквей

судебными рѣшеніями, вошедшими въ законную силу. II. Если при разграниченіи (разверстаніи) угодій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ встрѣтится надобность для уничтоженія чрезполосности разграничить и необмежеванные еще участки церковныхъ земель, состоящихъ во владѣніи священно-и-церковно-служителей, посредствомъ отвода сихъ земель къ однѣмъ мѣстамъ и замѣна однихъ участковъ другими, то такое разграниченіе, означенныхъ церковныхъ земель, можетъ быть произведено на тѣхъ основаніяхъ, какія установлены по правиламъ мѣстныхъ Положеній о поземельномъ устройствѣ крестьянъ для разграниченія угодій между помѣщиками и крестьянами, съ слѣдующими при этомъ дополнительными условіями: а) разграниченіе церковныхъ земель можетъ относиться только до полевыхъ угодій, не касаясь ни въ какомъ случаѣ усадебъ и огородовъ, принадлежащихъ причтамъ; б) полюбовное соглашеніе на разграниченіе церковныхъ угодій, если такое соглашеніе состоится между помѣщикомъ или крестьянами и церковнымъ причтомъ, должно быть засвидѣтельствовано, установленнымъ порядкомъ, мѣстнымъ мировымъ посредникомъ и благочиннымъ; в) въ случаѣ если не состоится взаимнаго добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ и церковнымъ причтомъ, относительно разграниченія церковныхъ угодій, то какъ помѣщику, такъ и церковному причту предоставляется право требовать обязательнаго разграниченія чрезполосныхъ угодій; г) вопросы о разграниченіи церковныхъ угодій, по требованію помѣщика или церковнаго причта, разсматриваются въ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ, при участіи, съ правомъ голоса, депутата отъ духовнаго вѣдомства, и за тѣмъ заключеніе по сему предмету мирового съѣзда представляется на разрѣшеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ также, съ правомъ голоса, участвуетъ депутатъ отъ духовнаго вѣдомства; въ случаѣ же несогласія сего депутата съ постановленіемъ большинства членовъ губернскаго присутствія, окончательное рѣшеніе вопроса подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, кои подвѣдомственны генералъ-губернаторамъ, утвержденію сихъ послѣднихъ. III. Отграниченныя церковныя земли не должны быть смѣшиваемы съ мірскими, крестьянскими и

помѣщичьими землями, а должны отдѣляться отъ оныхъ особыми окружными межами. При семъ отводъ таковой земли производится, по распоряженію губернскаго начальства, или казенными землемѣрами, или тѣми частными, которые состоятъ при губернской чертежной, или приглашены къ работамъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, руководствуясь въ порядкѣ межевыхъ дѣйствій Высочайше утвержденными 27-го Іюля 1861 года правилами, установленными для отграниченія и отвода въ натурѣ выкупленныхъ крестьянами земель. Но при этомъ соблюдаются слѣдующія правила: а) на столбахъ, поставленныхъ на поворотахъ межи церковной земли, выжигаются установленныя въ межевыхъ законахъ литеры ц. з., въ знакъ того, что земля эта церковная; б) выкопировки съ плановъ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, а равно и описанія границъ вновь отведенныхъ участковъ церковной земли, подписываются, кромѣ лицъ назначенныхъ для сего въ помянутыхъ правилахъ, довѣреннымъ лицомъ отъ церковнаго причта, и утверждаются какъ мировымъ посредникомъ, такъ и депутатомъ, назначеннымъ со стороны духовнаго вѣдомства, и в) копии съ сихъ выкопировокъ, на основаніи пункта 10-го приложения къ статьѣ 323-й IX Т. Свода Законовъ о состояніяхъ, снимаются въ трехъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ долженъ поступить для храненія въ церковь, другой въ консисторію и третій въ мѣстный уѣздный судъ. IV. Расходы по обязательному разграниченію церковныхъ земель, по требованію помѣщика или церковнаго причта, относятся на счетъ стороны, заявившей такое требованіе.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Священникъ, города Вознесенска, Вознесенскаго собора Іаннуарій Вартминскій и г. Николаева, священникъ Алексѣевской церкви Михаилъ Преображенскій перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

Ананьевскаго уѣзда, селенія Лидіевки, священникъ Григорій Туровскій переведенъ, того же уѣзда, въ селеніе Романкову Балку къ Покровской церкви.

Бобринецкаго уѣзда, селенія Бейжбайракъ, Покровской церкви дьячекъ Петръ Телешинскій произведенъ во діакона, съ оставленіемъ при той же церкви на той же вакансіи.

Г. Ананьева Николаевскаго собора, діаконъ Михаилъ Милановскій, по прошенію, уволенъ за штатъ.

Г. Вознесенска, Вознесенскаго собора, дьячекъ Михаилъ Костецкій произведенъ во діакона къ ананьевскому Николаевскому собору.

Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря іеромонахъ Митрофанъ, принятъ изъ таврической въ херсонскую епархію и опредѣленъ въ число братіи одесскаго Успенскаго монастыря.

Бобринецкій 3-й гильдіи купецъ Иванъ Бабагъ избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою къ бобринецкому Николаевскому собору на второе трехлѣтіе.

Одесскій мѣщанинъ Аѳанасій Куденко избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, при Успенской, предмѣстія Татарки, церкви, на второе трехлѣтіе.

Коллежскій секретарь Антоній Дорошевскій избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, одесскаго уѣзда въ м. Егоровкѣ, при Георгіевской ц., на второе трехлѣтіе.

Священники одесскаго уѣзда, с. Маякъ, Преображенской церкви, Антоній Козицкій и м. Севериновки, Ефремъ Билинскій избраны и утверждены въ должности духовниковъ, въ первомъ благочинническомъ округѣ одесскаго уѣзда.

Государственный крестьянинъ Феодоръ Бондаренко избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, на первое трехлѣтіе, къ новоустроенному молитвенному дому, въ селеніи Куртовкѣ, одесскаго уѣзда.

Одесскій мѣщанинъ Стефанъ Носаченко избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, на второе трехлѣтіе, къ Георгіевской ц., въ одесскомъ предмѣстіи Дальникѣ.

Колонистъ Даміанъ Манжаровъ избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, на первое трехлѣтіе, при Варваринской ц. м. Антонокодинцовки, одесскаго уѣзда.

Ш.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ.

Второго округа херсонскаго поселенія села Плетенаго Ташлыка Николаевской церкви прихожане поселяне пожертвовали на свою приходскую церковь: Лукіанъ Бранъ 35 р., Романъ Рева 10 р., Григорій Коваленко 10 р., Корнилій Васильченко 10 р., Григорій Бранъ 5 р., Яковъ Маруценко 5 р., Павель Бранъ 5 р., Андрей Бурдюжа 3 р., Маркъ Бѣлой 2 р., всего 85 рублей серебромъ.

Того же округа военнаго поселенія посада Ново-архангельскаго на Михайловскую церковь пожертвовали: діагонъ Евфимій Тимговскій 50 к., дьячекъ Никита Петровскій 30 к., церковный староста поселянинъ Матѳей Донецъ 1 руб., личный гражданинъ Алексѣй Котовъ 1 р., купеческій сынъ Григорій Лепиховъ 10 р. Мѣщане: Агапій Усатенко 50 к., Іоаннъ Рѣзникъ 1 р., Михайлъ Рѣзникъ 1 р., Іаковъ Ситниченко 1 р., Григорій Лепиховъ 3 р., Левъ Лепиховъ 25 к. Поселяне: Іоаннъ Томакъ 5 р., Леонтій Томакъ 50 к., Іоаннъ Бойраченко 1 р. Андрей Липодать 1 р., Карпъ Шивинъ 1 р. Сергѣй Людвенко 50 к., Онисимъ Бевзь 1 р., Авксентій Нофенко 50 к., Іоаннъ Левицкій 40 к., Матѳей Соколовскій 30 к., Павель Золотухинъ 50 к., Кодрать Гроздянь 15 к., Авксентій Пономаренко 50 к., Никифоръ Гроздянь 15 к., Кодрать Гриценко 15 к., Михайлъ Скрипка 20 к., Даниль Пономаренко 15 к., Пантелеимонъ Пономаренко 25 к., Пантелеимонъ Трофимовъ 10 к., Діонисій Яценко 30 к., Стефанъ Ротарь 50 к., Іоаннъ Нофенко 50 к., Трофимъ Димишганъ 1 р., Дмитрій Сичкаръ 30 к., Василій Кулбида 25 к., Евтихій Шереметь 15 к., Василій Молотогъ 40 к., Θεодосій Федоровъ 1 р., Евсей Сорока 50 коп., Порфирій Пономаренко 30 коп., Маркъ Нагорный 30 к. Отставные унтеръ-офицеры: Григорій Евтодѣвъ 50 к., Прокофій Кучеренко 50 к., Федоръ Болотиновъ 30 к., Михайлъ Устименко 25 к., Корнилій Кравченко 20 к., Николай Зазиба 25 к., Иванъ Виричка 1 р., Петръ Шевченко 10 к., всего 41 руб. 50 коп.

Бобринецкаго уѣзда, села Александровскаго прихожане на свою приходскую церковь св. Сергія и Вакха пожертвовали: Герасимъ Салоченко 3 р., Феодотъ Цимбаленко 2 р., Фома Салоченко 1 р., Димитрій Пархоменко 1 р., солдатка Вихтоненкова 1 р., Василий 1 р., м. Василий и Ефимій 30 к., м. Іоаннъ Борщъ 1 р., мѣщанинъ Феодотъ Осауленко 1 р., Платонъ Осауленко 1 р., кр. Павелъ Краснощокъ 1 р., Севастіанъ Личкинъ 1 р., Герасимъ Саленко 1 р., мѣщанинъ Іаковъ Костенко 2 р., м. Евфимій Довгаленко 1 руб., кр. Матвѣй Липенко 1 р., кр. Іаковъ Супруненко 1 р., к. Михайль Липенко 1 р., м. Іоаннъ Борщъ 1 руб., м. Павелъ Довгаленко 1 р., помѣщикъ Захарій Андреевъ Андреевъ 35 р., кр. Семіонъ Компаніецъ 1 р., Андрей Адаменко 1 руб., Степанъ Кобзаръ 1 р., Викторъ Жупаненко 1 руб., Іоаннъ Кобзаръ 50 к., отставной вахмистръ Яковъ Ковтунъ 3 р., Герасимъ Салоченко 1 р., Степанъ Максименко 1 р., Матвѣй Попомаренко 1 р., Іоаннъ Коваленко 50 к., Игнатій Рыбаченко 1 р., Алексѣй Ивановъ 40 к., Федоръ Хребтиненко 10 к., Матвѣй Ивановъ 22 к., Онисимъ Магро 50 к., Григорій Даниленко 30 к., Семіонъ Веровка 50 к., Карпъ Магро 20 к., Іакимъ Сироштанъ 10 к., Михайль Даниленко 30 к., Филиппъ Гайдукъ 60 коп., Иванъ Даниленко 20 к., Фотій Столоженко 50 к., Георгій Гребенюкъ 50 к., Семіонъ Гребенюкъ 50 к., Назарій Матвіенко 30 к., Евфимій Столоженко 28 к., Сергій Слободянюк 20 к., Авраамій Рыбаченко 25 к., Кирилль Шевченко 45 к., Миронъ Бондаренко 35 к., всего 77 руб. 5 коп. серебромъ.

Почетный потомственный гражданинъ Параскева Николау, духовнымъ завѣщаніемъ своимъ назначилъ въ пользу причта одесской Греческой Троицкой церкви восемьсотъ рублей серебромъ, на поминаніе его и родителей его; и въ пользу той же церкви пятьсотъ рублей, на возженіе неугасимой лампы и свѣчей предъ иконою святителя Христова Николая.

Херсонскаго уѣзда казеннаго селенія Малой Александровки крестьянка вдова Федосья Борисова Птушкина пожертвовала въ свою приходскую Архангело-Михайловскую церковь паникадило, стоющее 130 р. серебромъ.

Тогоже уѣзда казеннаго селенія Архангельскаго крестьянинъ Авдій Марченко и жена его Ефросинія пожертвовали во свою приходскую Архангело Михайловскую церковь полное священническое облаченіе, стоящее 103 р. серебромъ.

б) О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

Праздны мѣста :

Священническія :

Ананьевскаго уѣзда, въ с. Лидіевкѣ, при церкви Богоматери, Радости всѣхъ скорбящихъ.

Діаконскія :

Ананьевскаго уѣзда, въ с. Байталахъ, при Успенской церкви.

Дьячковскія и пономарскія мѣста праздны тѣже самыя, о которыхъ было объявлено.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С. Петербургѣ, въ здаіи святѣйшаго синода на Петровской площади и въ домѣ православнаго духовнаго вѣдомства на Литейной имѣются въ продажѣ:

Библия въ 8-ю д. листа, цер. печ. (новое изданіе) на веленовой бумагѣ,

въ переплетѣ кож. 3 р. 5 к.

и въ листахъ. 2 р. 45 к

и на бѣлой бумагѣ,

въ переплетѣ кож. 2 р. 35 к.

и въ листахъ. 1 р. 75 к.

Св. Евангеліе на Славянскомъ нарѣчїи, въ 8 д. листа на лучшей веленовой бумагѣ, напечатанное тремя красками съ хромолитографированными изображеніями Спасителя на крестѣ и 4-хъ Евангелистовъ

въ переплетахъ: бум. 4 р. 65 к.

въ саф. пер съ зол. обр. и укр. 7 р. 50 к.

Дьянія и Посланія Апостольскія съ Апокалипсисомъ, на Славянскомъ языкѣ, въ 8 д. листа, напечатанныя по

формату и образцу означеннаго св. Евангелія съ 4 хромо-
литографированными изображеніями Апостоловъ:

въ переплетахъ: бум. 4 р. 65 к.
въ саф. пер. съ зол. обр. и укр. 7 р. 50 к.

Кромѣ того обѣ книги можно получать въ разныхъ пе-
реплетахъ по слѣдующимъ цѣнамъ за экземпляръ каждой:

въ шагреновой кожѣ 8 р. 75 к.
въ дубов., пальмов. и орѣхов. деревѣ, 9 р. 50 к.
въ такомъ же деревѣ, но съ отдѣлкою въ бархатъ 12 р.

Примѣчаніе. При покупкѣ обѣихъ книгъ вмѣстѣ, усту-
пается покупателямъ 50 к. сер. на каждую книгу.

Св. Евангеліе на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіяхъ на
веленовой бумагѣ съ приложеніемъ изображеній Св. Еванге-
листовъ.

въ переплетахъ; кож. 1 р. 30 к.
въ печ. обер. 75 к.

Св. Евангеліе на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіяхъ
съ указателемъ,
на бѣлой бумагѣ безъ рисунковъ.

въ переплетахъ: кож. 75 к.
кор. 60 к.
въ печ. обер. 35 к.

Дѣянія и Посланія Апостольскія на Славянскомъ и
Русскомъ нарѣчіяхъ, въ 8 д. листа: на веленовой бумагѣ
съ приложеніемъ изображеній св. Апостоловъ

въ переплетахъ: кож. 1 р. 45 к.
въ печ. обер. 90 к.

и на бѣлой бумагѣ безъ рисунковъ:

въ переплетахъ: кож. 92 к.
кор. 75 к.
въ печ. обер. 50 к.

С Л О В О

Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, архієпископа херсонскаго и одесскаго, сказанное въ одесскомъ каедральномъ Соборѣ, 19 Февраля 1863 года.

Яко же возвеличися душа Христа Господня днесь во очію мою, тако да возвеличится душа моя предъ Господемъ, и да покрыетъ мя и изметъ мя отъ всякія печали. (1 Цар. 26,24).

Съ такимъ священнымъ благоговѣніемъ св. Давидъ, невинно гонимый и преслѣдуемый Сауломъ, говоритъ о своемъ гонителѣ, о царѣ, уже отверженномъ Богомъ. Богодухновенный взоръ его видитъ въ Саулѣ Помазанника Божія — Христа Господня; — и благоговѣнно преклоняется предъ священнымъ именемъ, съ глубокимъ смиреніемъ чтить высочайшій санъ его. На семь то благоговѣній предъ Помазанникомъ Божиимъ богодухновенный мужъ основываетъ надежду свою на милость и благоволеніе Божіе къ себѣ самому. Сіе-то благоговѣніе къ Христу Господню поставляетъ своею заслугою, отъ которой часть обильныхъ плодовъ собственнаго величія и счастья. *Яко же возвеличися душа Христа Господня днесь во очію мою, тако да возвеличится душа моя предъ Господемъ, и покрыетъ мя и изметъ мя отъ всякія печали.* И сбылись благія надежды души благоговѣнной, исполнилось благочестивое чаяніе сердца Давидова. Господь возвеличилъ, превознесъ и прославилъ его паче всѣхъ царей; вседѣйствующій Промыслъ Божій покрывалъ его въ продолженіе всей его жизни даже до

старости и престарѣнія, изымалъ и избавлялъ его отъ всякія печали; безконечная любовь Божія не оставляла его и послѣ тяжкихъ прегрѣшеній его, отверзала ему сокровища милосердія своего, принимала покаяніе его и ущедряла дарами духовными.

Написанное, брат. мой, въ священномъ бытописаніи о древнихъ, писано, какъ учитъ Апостоль, въ наставленіе наше. Чѣмъ заслужилъ особенную милость Божию Давидъ, тѣмъ самымъ можемъ заслужить ее и мы; ибо всесвятая воля Божія неизмѣнна, законъ правды Божіей непреложенъ. Оправданная опытомъ Давида истина, что вседушевное и сердечное благоговѣніе къ Помазанникамъ Господнимъ, смиренно-благоговѣйная покорность Богодарованной имъ власти привлекаетъ къ поданнымъ благовольтельный взоръ Отца небеснаго, низводитъ на нихъ обильныя благословенія Господни, а потому и служитъ самымъ твердымъ и прочнымъ основаніемъ благоденствія народнаго, есть непреложная истина для всѣхъ вѣковъ, оправдывается опытомъ всѣхъ царствъ и народовъ.

Ибо что такое благочестивый царь для царства? *Божій слуга есть*, говоритъ Апостоль: т. е. видимый представитель невидимаго Промысла Божія, посланникъ и служитель Отца небеснаго, живое орудіе всеуправляющей десницы Господней, исполнитель судебъ Божіихъ о народѣ. Единъ Господь Богъ, Творецъ и Вседержитель есть Царь и Владыка всяческихъ. Ему единому принадлежитъ всякая власть и сила на небеси и на земли: *Тебѣ, Господи подобаетъ величество и сила и слава и одолѣніе и хвала, Тебѣ достоитъ царствовать и Тебѣ, Господи, царство и великолѣпіе во всѣхъ и во всякомъ началѣ*. Тагъ учитъ слово пророческое. Отъ сего то верховнѣйшаго Владыки всяческихъ исходитъ и всякая власть

земная: *нѣсть бо власть, аще не отъ Бога*, говоритъ Апостоль. Отъ Него происходитъ преимущественно держащая власть царственная: *Мною царіе царствуютъ*, говоритъ всезидительная Премудрость Божія. Итакъ не своеволю восхищаетъ и не произволъ народный раздаетъ престолы и вѣнцы: *владѣетъ Вышній царствомъ чловѣчскимъ, и ему же восхоцетъ дастъ е.* Не случайно являются на высотѣ власти тѣ или другіе мужи въ то или другое время: *въ руку Господней власть земли, и потребнаго во время воздвигнетъ на ней.* Не обстоятельства управляютъ намѣреніями и дѣйствіями правителей народныхъ: *Сердце царево въ руку Божіей, и а може аще восхоцетъ, тамо уклонитъ е.* Не бездушный ходъ исторіи направляетъ событія въ ту или другую сторону: *несодпланное мое видѣсть очи Твои, Господи, въ книзь судебъ Твоихъ напишутся, и во днѣхъ созиждутся*, исповѣдуетъ Пророкъ Божій. Не по своему произволу дѣйствуютъ помазанные Богомъ: *Азъ возставихъ его съ правдою царя*, говоритъ Господь Вседержитель объ избранномъ Имъ царѣ, *и вся воля моя сотворитъ.* Сихъ то избранныхъ своихъ Господь *предваряетъ благословеніемъ блаостыннымъ, славу и велельпіе возлагаетъ на нихъ*, чтобы видимы были на нихъ печать и образъ славы Божественной. Имъ Онъ *даруетъ судъ свой и правду свою, да судятъ людемъ Его въ правдѣ и ницимъ Его въ правотѣ.* Посему все, что оказываютъ люди симъ избраннымъ Божиимъ, Господь Вседержитель вмѣняетъ Самому Себѣ. Оказываютъ послушаніе? Господь говоритъ: *слушай васъ, Мене слушаетъ, и отменяяся васъ, Мене отменяется.* Оказываютъ противленіе? *противляйся власти Божію иovelнню противляется, противляющіися же себѣ грѣхъ приемлютъ.* Исполняютъ волю ихъ? — *не чловѣкомъ работаютъ,*

но *Господеву*, какъ учить Апостоль. Касаются дерзновенною мыслию чести царевою? *сице глаголетъ Господь Вседержитель: касайся васъ, якоже касайся въ зъницу ока Моего*. И такъ чѣмъ лучше всего цѣлый народъ можетъ снискать благоволеніе Господа Вседержителя, наследовать благословеніе Отца небеснаго? Прославленіемъ Его величія и славы въ благоговѣйномъ почитаніи учиненной Имъ власти предержажщей; смиренною покорностію повелѣнію Божію въ исполненіи священной воли помазаннаго Имъ царя; кроткимъ послушаніемъ исходящей отъ Бога державѣ и власти царственной.

Что такое благочестивый царь для царства? Есть Помазанникъ Божій, на которомъ почиетъ Духъ Божій, *отъ дне помазанія и потомъ*; — Боговѣнчанная глава народа, которая, сосредоточивая въ себѣ жизнь и силы государства, охраняетъ его цѣлость, приводитъ въ стройное и согласное движеніе его члены. И здѣсь то, братъ мой, въ семь изліяніи Духа Божія на избранныхъ Его, въ Его промыслительномъ дѣйствованіи въ нихъ и чрезъ нихъ въ мірѣ, — источникъ истиннаго счастья и благоденствія народовъ. Какъ *Духъ премудрости и разума*, Онъ просвѣщаетъ и умудряетъ помазанныхъ Своихъ къ прохожденію высокаго служенія царственнаго; даруетъ имъ прозорливость и искусство въ управленіи, истину и правду въ судѣ, благоразуміе и мудрость въ законахъ и учрежденіяхъ. Какъ *Духъ совѣта*, Онъ направляетъ волю ихъ ко всему благому и полезному; запечатлѣваетъ все совѣты и предначинанія ихъ мудростію и благотворностію, все дѣйствія ихъ величіемъ и силою; все стремленія ихъ ревностію и постоянствомъ. Какъ *Духъ крѣпости*, Онъ препоясуетъ ихъ мужествомъ и силою; осѣняетъ ихъ Своею Божественною помощію къ пораженію враговъ, къ защищенію

нію обидимыхъ, къ покровительству безпомощныхъ, ко отмщенію злое творящимъ, къ побѣжденію всѣхъ препятствій благоденствію народному. Какъ *Духъ благочестія и страха Божія*, Онъ вдохновляетъ душу ихъ любовью къ Богу и ревностію къ славѣ Божіей, согрѣваетъ сердце ихъ любовью и состраданіемъ къ народу, кротостію и благосердіемъ ко всѣмъ. Счастливы тотъ народъ, который съ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ покоряетъ сердце свое богоправимой волѣ Помазанниковъ Господнихъ, который единодушно и единомысленно идетъ во слѣдъ богодарованныхъ вождей своихъ!

Не то ли самое мы видимъ, братъ, въ судьбахъ отечества нашего? Кто собралъ народъ Русскій, раздѣленный прежде по родамъ и племенамъ, въ народъ единый и многочисленный, сильный и могущественный? Цари православные. Кто просвѣтилъ его свѣтомъ вѣры Христовой, ввелъ святыя и спасительныя заповѣди ея въ жизнь народную и содѣлалъ его народомъ кроткимъ и благопокорливымъ, богобоязненнымъ и благочестивымъ, но вмѣстѣ мужественнымъ и несокрушимымъ? Цари православные. Кто просвѣтилъ насъ науками и искусствами, водворилъ въ землѣ нашей промышленность и торговлю? Цари православные. Кто охранялъ отечество наше въ тяжкія години испытанія, возвеличилъ его могущество и славу, украсилъ землю нашу памятниками благочестія и славы народной? Цари православные. Они шли всегда впереди своего народа, указуя ему прямой и вѣрный путь къ славѣ и благоденствію. Они были первыми въ мирѣ и на войнѣ, первыми въ трудахъ для блага народнаго, первыми въ мученическихъ подвигахъ за вѣру Христову, за цѣлость и благоденствіе отечества. Жизнь народа Русскаго нераздѣльно соединена была съ жизнію царей Русскихъ: вмѣстѣ трудились и преспѣвали, вмѣстѣ

терпѣли и страдали, вмѣстѣ молились и уповали, вмѣстѣ сражались и побѣждали, вмѣстѣ радовались и торжествовали. Когда преимущественно благоденствовала Россія? Тогда, когда тѣснѣе соединялась вокругъ средоточія своего, — самодержавнаго престола царскаго, когда съ сыновнею покорностію внимала гласу царя своего, когда съ сыновнею любовію готова была положить душу свою за вѣру, Царя и отечество, когда съ сыновнимъ послушаніемъ шла подъ водительство царя своего къ своему высокому предназначенію. Когда, напротивъ, бѣдствовала Россія? Тогда, когда, при раздробленіи на удѣлы, оскудѣвало въ ней благоговѣйное почтеніе къ одному Отцу и Главѣ народа; когда, въ смутныя времена междуцарствія, ослѣпленный страстями и обольщеніями враговъ своихъ, народъ измѣнялъ клятвамъ вѣрности царямъ своимъ, терялъ единодушіе и любовь братскую, когда являлись въ немъ распри, раздѣленія, междоусобія.

Впрочемъ, если утомительно смотрѣть въ даль прошедшаго, всмотритесь внимательнѣе въ настоящее, въ то, что совершается предъ очами нашими. Неоспоримая истина, брат мой, что седмилѣтнее царствованіе благочестивѣйшаго Царя нашего составляетъ такую эпоху въ жизни народа Русскаго, которой равной — по благотворности совершившихся уже событій, по плодоносному значенію готовящихся предначертаній, — не представляетъ вся его исторія. Личная свобода и дарованіе правъ гражданскихъ десяткамъ милліоновъ несвободныхъ и безправныхъ, освобожденіе торговли отъ монополій и стѣсненій, устройство правосудія, на новыхъ челоуколюбивыхъ началахъ: не видно ли во всемъ этомъ вѣяніе всеблагаго Духа Божія, почивающаго на Царѣ нашемъ? Это воистинну боговѣнчанный Вождь народа, который ведетъ его мудро, возбуждаетъ неумоимо, подвигаетъ не-

престанно по пути благоустройства и совершенствованія. Это воистинну осѣняемая Духомъ Святымъ глава народа, которая вдыхаетъ новое дыханіе жизни въ тысячелѣтній составъ его. По мановенію Его, какъ благословляемаго свыше Помазанника Господня, приходятъ въ исполненіе такія предначертанія, о которыхъ только мечтали, но которыхъ не смѣли коснуться самые неробкіе умы Его предшественниковъ.

Правда, мы видимъ только сѣянiе, и, быть можетъ, не доживемъ до того времени, когда оно принесетъ совершенный плодъ. Но вѣдь и однолѣтнее растѣніе не тотчасъ по посѣвѣ приноситъ плодъ свой,—не мало нужно времени, чтобъ оно выросло, укрѣпилось и расцвѣло; а жизнь народная считается не годами, а вѣками и тысячелѣтіями. Будемъ вѣровать и надѣяться, что посѣянные добрыя сѣмена благоденствія народнаго расцвѣтутъ и принесутъ обильные плоды потомкамъ нашимъ, которые будутъ ублажать насъ, какъ современниковъ и сотрудниковъ великаго Монарха, котораго имя будетъ благословляемо въ роды родовъ.

Я сказалъ — сотрудниковъ Монарха. Такъ, брат. мой, это наша священнѣйшая обязанность — споспѣшествовать всѣми, зависящими отъ насъ, средствами благотворнымъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ Царя нашего. На насъ падетъ тяжкая отвѣтственность предъ потомствомъ, если мы не сумѣемъ хорошо принять и усвоить, провести въ жизнь и правую дѣятельность тѣ благотворныя начала жизни, которыя благочестивѣйшій Монархъ нашъ полагаетъ въ основаніе благоденствія народа своего.

И прежде всего, намъ должно быть крайне осторожными, чтобы вмѣстѣ съ добрыми сѣменами врагъ не посѣялъ въ насъ своихъ плевелъ, которыя, выросши, подавятъ доброе сѣмя. Не обольщайтесь, брат., тѣми мечтательными ученіями

о благоденствіи народномъ, которыя приносятся къ намъ отъ-
инуду — издалека. Тамъ изобрѣли много теорій — одна
другой заманчивѣе и увлекательнѣе — о всеобщемъ доволь-
ствѣ, а встрѣчаютъ около себя ужасающую нищету и го-
лодь; давно толкуютъ о всеобщемъ братствѣ, а сами изо-
щряютъ языкъ и мечь другъ на друга; восхваляютъ еди-
нодушіе, а сами расходятся на партіи, вводятъ крамолы и
смуты; общають всеобщее уравненіе правъ и состояній, а
оканчивають насиліемъ и грабительствомъ. Одно, чѣмъ дѣй-
ствительно можемъ споспѣшествовать счастью нашему и по-
томковъ нашихъ: это — крѣпкая вѣра и упованіе на Бога,
какъ основаніе духовной жизни человѣка и народа; это —
исполненіе заповѣдей Господнихъ, какъ единый вѣрный путь
къ истинному, а не воображаемому счастью; это — искрен-
няя благоговѣйная любовь къ Помазаннику Божію, покор-
ность и преданность священной волѣ Его, совѣтливое испол-
неніе повелѣній Его; это — искренняя христіанская любовь
и единодушіе другъ ко другу, взаимное братское уваженіе,
сострадательность и снисхожденіе; это — совѣтливое ис-
полненіе обязанностей своихъ во всякомъ званіи и состояніи.
Въ этомъ, и только въ этомъ одномъ — самая прочная ос-
нова благоденствія общественнаго. Тысячелѣтняя жизнь Рос-
сін опытно убѣдила ее, что только въ Богѣ-Отцѣ и Про-
мыслителѣ, Помощникѣ и Спасителѣ нашемъ, и въ само-
державномъ Помазанникѣ Божіемъ — благодарованномъ Отцѣ
и Руководителѣ нашемъ, — вотъ гдѣ ея крѣпкая, непрео-
боримая сила! вотъ гдѣ истинное неизмѣнное ея счастье,
котораго никто и ничто не похитить у нее! Аминь. Д

ПОУЧЕНІЯ

НА МОЛТВУ СВ. ЕФРЕМА СИРИНА *).

ПОУЧЕНІЕ IV.

Въ третью недѣлю великаго поста.

Духъ любоначалія не даждь ми, рабу Твоему!

Есть грѣхи, кои, съ перваго взгляда на нихъ, кажутся свойственными не всѣмъ, а только нѣкоторымъ; есть грѣхи, для которыхъ какъ бы нужно родиться, нужна извѣстная доля жизни, или положеніе въ обществѣ. Таковъ грѣхъ — любоначалія, или стремленія, въ какомъ бы то ни было отношеніи, къ преобладанію надъ другими, вообще — властвованія. Явно, это грѣхъ начальствующихъ или вообще тѣхъ, коимъ путемъ рожденія, или путемъ заслугъ, или другими, часто необъяснимыми для нихъ самихъ, а вѣдомыми Одному Раздаятелю судебъ жизни человѣческой — Богу, путями досталась въ удѣлъ какая нибудь доля первенства и власти надъ другими. Значить, это грѣхъ не только не всѣхъ, а весьма немногихъ.

Но такъ ли бываетъ на самомъ дѣлѣ? Грѣхъ любоначалія или стремленія къ властвованію точно ли принадлежитъ однимъ властвующимъ? Увы, это грѣхъ всѣхъ воз-

*) Произнесенныя въ одесской лицейской церкви протоіереемъ М. Павловскимъ.

зрастовъ, начиная съ дѣтскаго до старческаго, это грѣхъ всѣхъ положеній человѣка въ обществѣ, начиная съ самаго высокаго до самаго униженнаго жребія жизни, это грѣхъ всѣхъ состояній нравственныхъ человѣка — начиная съ возвышеннаго подвижничества до такой жизни, въ которой живутъ не только безъ подвига, а даже не давая себѣ труда подумать о томъ: почему они живутъ такъ, а не иначе? — живутъ и дѣйствуютъ такъ а не иначе, потому, что такъ живутъ и дѣйствуютъ другіе, потому что такъ привыкли жить сами.

Грѣхъ любоначалія, говоримъ мы, есть грѣхъ всѣхъ возрастовъ. Въ дѣтствѣ, когда неуясненная еще мысль и неокрѣпшая воля сами собою требуютъ свѣта и руководства отъ другихъ, съ какимъ, однакожь, трудомъ это малое еще по духу и тѣлу существо, заимствуетъ отъ другихъ необходимый для него свѣтъ! съ какою неохотою отдаетъ свою волю водительство другаго! Какъ хотѣлось бы ему мыслить, желать и дѣйствовать по своему! Сколько опыта, таланта, искусства и самопожертвованія нужно тому, кто хочетъ быть истиннымъ руководителемъ и наставникомъ дѣтей! И пріобрѣвши, силою мысли и воли своей, власть надъ ними, какой трудъ, какая бдительность нужны для того, чтобы сохранить ее во всей силѣ! Отдавши свою мысль и волю другому, сдѣлавши эту жертву, дитя является строгимъ судьей каждаго поступка, движенія и слова руководителя своего. Что-жь это, какъ не тотъ, мучащій душу человѣческую, духъ любоначалія, для котораго такъ трудно подчинить себя кому бы то ни было, который и въ подчиненномъ состояніи своемъ, желаетъ сохранить за собою право быть, по крайней мѣрѣ, судіею, хотя въ однихъ мысляхъ своихъ, того, кто, по званію своему, судья, руково-

датель его? Что это, какъ не тотъ духъ властвованія, который проявляется въ самыхъ, такъ называемыхъ, *невинныхъ* играхъ дѣтей, гдѣ одинъ всегда предводитель, а всѣ подчиненные, гдѣ утрата воображаемаго начальства часто оплакивается горькими слезами?

О, эти слезы — первыя слезы, какія будетъ проливать этотъ, теперь еще юный, жилецъ земли, когда жизнь и отношенія къ людямъ потребуютъ отъ него уже не воображаемыхъ, а дѣйствительныхъ жертвъ, когда власть надъ нимъ, надъ его поступками будетъ преслѣдовать его не надзирательскимъ только судомъ, а судомъ общества, въ которомъ живетъ, мнѣніемъ тѣхъ, къ которымъ онъ въ какомъ нибудь соприкосновеніи своею жизнію. Благо тому, кто въ юности наученъ преклонять не чело, а помыслы и чувства свои предъ помыслами и чувствами другихъ, опытнѣйшихъ въ жизни людей, кто, въ воспитаніи своемъ, изучалъ не одну науку управленія другими и усовершенія другихъ, а и науку управлять собою — жертвовать собою тамъ, гдѣ власть, вѣрою и законами освященная, требуетъ жертвъ: для воспитаннаго такимъ образомъ нѣтъ жребія жизни, котораго (какъ жалуются часто) нельзя было бы переносить; такого духъ любоначалія не будетъ мучить, въ какомъ бы положеніи жизни Провидѣніе ни поставило его, въ состояніи ли подчиненія, или начальствованія.

А какъ мучителенъ духъ любоначалія въ лѣтахъ зрѣлыхъ и въ старости! И къ чему приводитъ онъ тѣхъ, кои страждутъ имъ! Самый пространнѣйшій путь честей и даже путь общественнаго служенія тѣсенъ для такихъ: шире и шире желалось бы имъ идти и идутъ — туда, гдѣ думаютъ найти болѣе честей, находятъ ихъ въ избыткѣ, но для духа любоначалія малъ и тѣсенъ цѣлый міръ. Бросаютъ

свѣтъ, общество, заключаютъ себя преждевременно въ кругъ жизни частной и домашней, но и здѣсь духъ честолюбія не находитъ для себя успокоенія: и тутъ онъ ищетъ пищи въ домогательствѣ превосходства надъ другими и не находя ее, или нашедши, наскучивъ ею, готовы бываютъ бросить весь міръ, всѣхъ, самыхъ близкихъ сердцу ихъ, людей.

Но пустыня не успокоитъ души, возмущаемой духомъ любоначалія и превозношенія: отрекшійся отъ всего міра и не отрекшійся отъ собственнаго своего сердца, будетъ и тутъ искать первенства предъ другими если не въ другомъ чемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ удалился отъ міра съ большими жертвами, нежели другіе, что онъ явился въ пустыню первый, что власти онъ не хочетъ и не принимаетъ на себя. Именно такого рода искушенія испытывали подвижники, и потому-то одинъ изъ нихъ молился самъ и завѣщалъ всѣмъ христіанамъ молиться: *духъ любоначалія не даждь ми!*

Чтожь успокоитъ духъ человѣческой, отъ юности до старости, въ подчиненіи и начальствованіи, въ мірѣ и въ пустынѣ не оставляемый въ покоѣ отъ духа любоначалія?

Христіане! *Иже въ васъ хочетъ влциий быти, да будетъ весьма слуга*: вотъ законъ, не изреченный только, а исполненный во всей силѣ, во всемъ пространствѣ и глубинѣ его Тѣмъ, Чье Пресвятое Имя сдѣлалось именемъ каждаго изъ насъ, съ минуты крещенія во имя Его. Мы поклоняемся нынѣ кресту Его: тутъ, у подножія Голго夫скаго креста, слышится такая проповѣдь о любоначаліи, послѣ которой наше немощное слово человѣческое можетъ не поучать, а только молиться: *духъ любоначалія не даждь ми, рабу Твоему!* Аминь.

— 029 —

ПОУЧЕНИЕ V.

Въ четвертую недѣлю великаго поста

Духъ празднословія не даждь ми, рабу Твоему!

Кто когда нибудь останавливался размышленіемъ на себѣ самомъ, на тѣхъ дарахъ, какими, въ такомъ обилии, Творецъ ущедрилъ каждаго человѣка, (а размысленіе это такъ нужно для всякаго человѣка, что безъ него забудеть онъ и себя, и Бога), тотъ не могъ, безъ живѣйшей благодарности къ Творцу и Промыслителю, не замѣчать, что даръ слова есть даръ, высшій всѣхъ даровъ. Въ самомъ дѣлѣ, словомъ человѣческимъ все совершается въ мірѣ, какъ первоначально все сотворено и какъ до нынѣ все сотворенное держится силою слова Божія.

Словомъ выражаемъ мы наши понятія о Богѣ, о человѣкѣ, о мірѣ видимомъ и невидимомъ; имъ выражаемъ наши чувствованія и самыя живыя, и самыя тихія, имъ списываемъ чудныя красоты природы иногда вѣрнѣе, живѣе и отчетливѣе самой искусной кисти художника, посредствомъ слова мы усвояемъ себѣ и передаемъ другимъ сокровища познаній, и можно сказать, безъ слова не было бы ни точныхъ познаній въ области наукъ, ни великихъ открытій въ области искусствъ, словомъ изображаемъ законы и учрежденія гражданскія, даемъ порядокъ и стройность жизни и дѣятельности семейной и гражданской, слово, въ видѣ отдѣль-

ныхъ языковъ, служить печатью самобытности каждаго народа, крѣпчайшею связью, соединяющею общества между собою, живымъ словомъ мы возбуждаемъ другихъ ко всему великому и достойному человѣка и отклоняемъ отъ всего, что унижаетъ и что недостойно человѣка; имъ проливаемъ утѣшеніе въ душу печальную и исторгаемъ ее изъ страшной бездны отчаянія. Но можно ли исчислить всѣ благодѣянія дара слова? — Отнимите у людей слово — и все остановится въ мірѣ человѣческомъ, — и великія силы природы, движущія всю вселенную, не двинуть человѣчества ни къ чему; — безъ слова оно будетъ нѣмо и безжизненно въ мірѣ, какъ нѣмъ и безжизненъ мертвецъ во гробѣ.

Чѣмъ выше даръ, тѣмъ благоразумнѣе должно быть употребленіе его. Казалось бы, что высокій, истинно творческій даръ слова, будетъ употребляемъ человѣкомъ достойно дара и Подателя его. Казалось бы, что одна истина, одно доброе и прекрасное будетъ предметомъ слова человѣческаго, что все, противное этой святой тройственной потребности духа человѣческаго, все, хотя сколько нибудь оскорбляющее истину, добро и прекрасное, никогда не будетъ появляться на языкѣ человѣческомъ. Такъ казалось бы, такъ и кажется, когда хотя мало размышляемъ о дарѣ слова и особенно, когда читаемъ и слышимъ то, что въ разныя времена говорено было объ истинѣ, добрѣ и изяществѣ. Но, вспомнивъ, какъ страждетъ, отъ слова человѣческаго, истина, что терпитъ отъ него добро, какъ обезображивается и унижается имъ прекрасное и высокое, когда припомнишь, какое употребленіе дѣлаетъ человѣкъ изъ слова своего, начиная съ юности до глубокой старости, какія скорби, какія смущенія грѣховныя вносятся словомъ въ души человѣческія, — о, тогда невольно останавливаешься предъ великимъ даромъ слова съ

глубокою скорбію и страхомъ: скорбишь за него, страшишься за обладателя его — человѣка. Скорбишь на то, что даръ жизни человѣческой обращается въ вѣчную смерть человѣка; страшишься за человѣчество, такъ не разумно иждивающее то, что есть лучшаго въ немъ.

Вмѣсто того, чтобы изъяснять: отъ чего происходитъ злоупотребленіе дара слова? отъ чего злоупотребленіе этаго дара начинается въ каждомъ человѣкѣ ранѣе и оканчивается позже злоупотребленія всеѣми прочими дарами? Отъ чего, часто, только смертію отнимающійся языкъ перестаетъ, у нѣкоторыхъ, говорить слова, за которыя отвѣчать надобно будетъ во всю вѣчность, — вмѣсто всего этого полезнѣе будетъ обратить намъ, братіе, вниманіе наше на то, какимъ образомъ употреблять намъ слово наше такъ, чтобы не послужило оно нѣкогда къ осужденію нашему на томъ великомъ судѣ, на которомъ будемъ судимы *за всякое праздное наше слово*. Что пользы въ томъ, если будемъ знать причины недуга и не врачевать его? — Недугъ остается недугомъ при лучшемъ знаніи причинъ его, но онъ уменьшается, когда принимаются хотя нѣкоторыя средства противъ него. И вотъ нѣсколько самыхъ простыхъ, но если захотите употребить, самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ злоупотребленія слова.

Употребляйте слово съ крайнею бережливостію; этого требуетъ и высокое происхожденіе слова, и великое назначеніе его въ мірѣ, и крайне важныя дѣйствія его на другихъ и на васъ самихъ. Памятуйте, что послѣдствія словъ такъ многосложны и такъ глубоки, что часто все усилія уменьшить эти послѣдствія, ослабить дѣйствія нашихъ словъ остаются безплодными: языкъ не напрасно названъ однимъ изъ Апостоловъ *огнемъ* (Ап. Іак. III. 6). Будьте жъ осторожны съ перомъ, если боитесь пожара!

Употребляйте слово на предметы, достойные слова. Показывать, какіе предметы достойны слова и какіе недостойны, значило бы предполагать, что въ душѣ человѣческой нѣтъ тѣхъ могучихъ и неумолкающихъ показателей, которые сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ показаній обозначаютъ достоинство и недостоинство, чистоту и нечистоту нравственную. *Стыдъ, страхъ и сожалѣніе* — вотъ тѣ, какъ мы назвали, показатели, которыхъ очень внимательно должно слушать при каждомъ словѣ своемъ. Слава Божія, польза ближнихъ, наше усовершенствованіе — такіе предметы, отъ которыхъ бесѣдующій чувствуетъ въ душѣ своей и которыми вносить въ души другихъ миръ и радость. Ложь, обманъ, клевета, осужденіе — такіе предметы, которые оставляютъ послѣ себя въ душѣ стыдъ, страхъ и сожалѣніе.

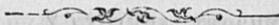
Наблюдайте за употребленіемъ вашего слова, и по временамъ требуйте у себя отчета въ этомъ употребленіи. Не щадите себя: строгость суда собственнаго умалить надъ нами строгость суда Божія. Церковь заповѣдуетъ, чтобы всякій, ежедневно, отходя ко сну, вспомнилъ протекшій день и все, содѣянное не дѣломъ только, но и *словомъ*. Такое, ежедневное самоиспытаніе, — лучшее средство самопознанія и лучшее приготовленіе къ покаянію.

Это покаяніе въ худыхъ и праздныхъ словахъ должно быть приносимо не въ исповѣди только, а и предъ тѣми, кого касались слова наши. Тѣ самые, которыхъ наше слово оскорбило или привело въ грѣховное смущеніе, должны первые услышать слово раскаянія нашего. Тому, чье сердце проникнуто истиннымъ раскаяніемъ, такъ легко это сдѣлать, какъ трудно исполнить это тому, кто привыкъ смотрѣть на всѣ слова свои, какъ на ничего не значущіе звуки, а на

обиды, словомъ своимъ, другихъ, какъ на дѣйствія, отъ него не зависѣвшія.

Надобно твердо помнить, что за всякое праздное слово надобно будетъ дать отчетъ Богу. *Глаголю же вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный.* — Это слово Его — Спасителя міра! — Намъ кажется, что слова наши исчезаютъ въ воздухѣ, — о нѣтъ! онѣ остаются цѣлы, онѣ собираются и печатлѣются на день суда и воздаянія.

Памятуя все это, и нисколько не надѣясь на собственные свои силы, на свое умѣніе владѣть и управлять словомъ своимъ, потому что самонадѣянность и бываетъ главною причиною празднословія, будемъ обращаться съ словомъ молитвы къ Творцу слова чловѣческаго, чтобы Онъ Самъ положилъ храненіе устамъ нашимъ, чтобы Онъ Самъ ограждалъ насъ отъ духа празднословія. Съ какимъ словомъ обращаться? — Съ тѣмъ краткимъ, но сильнымъ словомъ, которымъ зывалъ къ Богу подвизавшійся предъ Нимъ всю жизнь свою: *духъ празднословія не даждь ми, рабу Твоему!* Аминь.

ПОУЧЕНИЕ VI.

Въ великій понедѣльникъ страстной седмицы.

Духъ цѣломудрія и смиренномудрія даруй ми, рабу Твоему!

Чѣмъ всего болѣе всегда дорожилъ и теперь дорожить человѣкъ? — мудростию. Ее искалъ, ее ищетъ онъ вездѣ — на небѣ и на землѣ, въ сердцѣ горъ и морей, въ глубинѣ собственнаго своего духа и въ душахъ другихъ. Отыскана ли, наконецъ, эта мудрость — вся, сколько нужно ея для человѣка? Нашелся ли хотя одинъ искатель мудрости, который бы, указывая на нее, сказалъ: вотъ она — вся, сколько можетъ быть и сколько нужно ея для человѣка, — вся и въ томъ видѣ, въ какомъ должно быть ей — безъ малѣйшей тѣни поврежденія или недостатковъ? Являлся ли на землѣ хотя одинъ любитель мудрости, который бы въ себѣ самомъ представилъ осуществленіе всего, о чемъ мудрствуетъ, и чему поучаетъ другихъ?

Какъ бы ни отвѣчали мы, братіе, на такіе вопросы, сколько успѣховъ человѣческой мудрости ни указывали бы мы, а мудрости полной — такой, къ совершенству которой ничего не оставалось бы желать, не найдемъ на землѣ. Не найдемъ мы полноты совершенствъ въ самомъ совершенномъ, по уму, человѣкѣ: возлѣ великихъ совершенствъ ума примѣчаемъ не мало несовершенствъ сердца: полная ли это

мудрость? До небесъ восторгающійся и восторгающій другихъ высокими помыслами ума своего, сердцемъ часто пресмыкается по землѣ и на ней ищетъ утѣхъ и радостей: полная ли это мудрость? Всѣми силами трудящійся надъ усовершеніемъ духа своего, бываетъ, часто, жертвою страстей, унижающихъ достоинство человѣка: полная ли это мудрость?

Знали эту неполноту, это несовершенство мудрости человѣческой тѣ, кои стремились къ истинному и полному усовершенію не части, а всего существа своего, и потому, не довольствуясь никакими успѣхами ума, какъ бы они велики ни были, они искали, съ подвигами, со слезами искали успѣховъ воли и чувствъ своихъ, покаяря всю ее и всѣхъ ихъ волѣ Божіей, Его святому закону. Въ этомъ согласіи воли своей съ волею Божіею, въ этой жизни, чистой въ помыслахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, они поставляли верхъ мудрости. *Духъ цѣлоумдрія даруй ми, рабу Твоему*, вопіяли они къ Подателю истинной премудрости. Дажь, да умъ мой останется цѣлымъ и невредимымъ отъ грѣха! Дажь мыслямъ моимъ ту высоту, на которой грѣхъ содѣлался бы недоступнымъ мнѣ! Дажь мудрость не помышленіямъ только, а чувствованіямъ, желаніямъ и дѣяніямъ моимъ!... Да уразумѣемъ же, братіе, гдѣ, въ чемъ искать всѣмъ намъ мудрости! Да возлюбимъ чистоту души, непорочность сердца, святыню жизни, если, по истинѣ, любимъ умъ, дорожимъ мудростію. Памятуемъ, что чистая жизнь есть — *цѣлоумдріе*, и что, значить, не радоваться, а плакать должно тому, кто, мудрствуя умомъ, безумствуетъ сердцемъ, жизнию своею!

При всей неполнотѣ и несовершенствахъ мудрости человѣческой, есть въ ней и свои достоинства: она, на примѣръ,

желаетъ возвести человѣка на высоту, достойную человѣка. Но тутъ она съ удивленіемъ замѣчаетъ, что въ человѣкѣ есть какое-то странное, необъяснимое для нея противорѣчіе и какъ бы раздвоеніе: способный восходить на высоты умственные, онъ съ трудомъ держится на обыкновенномъ пути нравственномъ. Для этого мудрость объявляетъ человѣку необходимость борьбы, но съ чѣмъ и съ кѣмъ? спросите ее, — со всѣмъ и со всѣми, кромѣ его самаго, — со всѣми видами зла, наводняющаго міръ и, если нужно, со всѣми, кто бы они ни были, виновниками зла. Не трудно предугадать, какой плодъ такой борьбы. Не поборовшій въ себѣ самомъ ни одной мысли, ни одного чувства грѣховнаго — даже нисколько не знакомый съ этою борьбою, бѣдный ратоборець падаетъ въ борьбѣ съ чужимъ зломъ, нисколько не уменьшивъ его, а не уменьшилъ чужаго зла именно потому, что собственное его зло остается въ его сердцѣ во всей силѣ. — Не такъ мудрствуетъ о человѣкѣ Вѣра. Она указываетъ ему высоту совершенства ангельскую — и возводитъ на нее борьбами не съ чужимъ зломъ, а со зломъ собственнымъ, гнѣздящимся въ сердцѣ его. *Отъ юности прилежитъ человеку помышленіе на злое* — вотъ какъ смотритъ Вѣра на человѣка, — *въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* — вотъ, по разуму Ея, откуда заражается и въ такомъ обилии разражается зло въ каждомъ человѣкѣ и во всемъ мірѣ. Отъ побѣдъ надъ собственнымъ своимъ существомъ зависитъ то совершенство, та высота человѣка, на которой онъ является превышимъ себя, своей природы, существомъ равно-ангельскимъ, — и только побѣдившій себя можетъ смѣло исходить на борьбу съ другими: онъ будетъ побѣдителемъ сер-

дець другихъ и убѣжденій другихъ, какъ были побѣдителями воли и убѣжденій другихъ тѣ, которыхъ Вѣра нарекла *земными ангелами*: изъ чистыхъ устъ сихъ земныхъ ангеловъ слышали мудрые міра такія слова правды и назиданія, какихъ не читали ни въ какихъ книгахъ; отъ словъ ихъ лились слезы покаянія изъ такихъ сердець, которыя, казалось, до корня изсохли отъ грѣха. Итакъ, хотите, братіе, какъ христіане, истинной высоты духа и всего существа вашего? Достигайте ее путемъ мудрости, Вѣрою указываемымъ челоѣчеству: чистая отъ грѣха жизнь возведетъ васъ на ту высоту, какая Спасителемъ обѣщана *чистымъ сердцемъ*: *чистіи сердцемъ — Бога узрятъ*, а на такой высотѣ, о какъ высоки вы будете предъ Богомъ и челоѣками! а съ такой высоты какъ много скажете и совершите вы во благо не временное, а и вѣчное благо душъ челоѣческихъ!

Какъ достигнуть челоѣку этой ангельской высоты? — Если бы намъ отвѣчать примѣрами тѣхъ, кои достигли ее, то мы представили бы вамъ цѣлую лѣствицу, возводящую отъ земли на небо: сколько совершено подвиговъ, сколько исторглось молитвенныхъ вздоховъ, сколько пролито слезъ, сколько принесено тяжкихъ жертвъ для того, чтобы стать на первыхъ ступеняхъ этой небесной лѣствицы, — и ставши, сколько нужно было твердости, — именно того, что мы называемъ *величіемъ духа*, для того, чтобы вѣрно простоять на небесной стражѣ, до послѣдняго вздоха! Мы не представляемъ вамъ этой лѣствицы: знаемые съ нею вспомнить ее, незнаемые найдутъ ее въ тѣхъ дивныхъ житіяхъ, которыя на всѣ вѣка останутся для челоѣчества памятниками всего лучшаго, святаго, что только могъ совершить чело-

вѣкъ на земли для вѣчности. Пожелаемъ только, чтобы житія Святыхъ не оставались для насъ, какъ, къ сожалѣнiю, остаются для многихъ мертвыми памятниками, подъ которыми погребены Святые труженики, а чтобы онѣ были тѣми живыми уроками благочестiя, какихъ напрасно будемъ искать въ лучшихъ урокахъ человѣческихъ.

Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть, — вотъ сокращенiе всей великой науки, какою руководились сражавшiеся съ собственной природою своею, съ умомъ и его помыслами, съ сердцемъ и его чувствованiями и желанiями. Другой науки не было у нихъ: самый выпрeннiй умъ отказывался давать имъ другую, а если и давалъ, то какъ бы для того только, чтобы помогать разрушенiю самыхъ первыхъ основъ ея. «Напрасно будешь сражаться, говорилъ одинъ изъ ратоборцевъ Божiихъ», и отгонять отъ себя нечистые помыслы и желанiя однѣми доказательствами и противорѣчiями твоего ума: не надѣйся на умъ твой: онъ съ своей стороны представитъ тебѣ не мало своихъ доказательствъ и будетъ состязаться съ тобою естественными доводами. Бодрствуй и молись!»

Бодрствуй, скажемъ и мы каждому — и самому слабому, и самому крѣпкому! Надъ чѣмъ бодрствовать? — надъ всѣмъ, что только какимъ нибудь образомъ можетъ вносить въ душу твою грѣховную мысль или желанiе. Бодрствуй надъ мыслию твоею, — отъ нея жизнь или смерть всему духовному существу твоему. «Когда приражается душѣ твоей помыслъ грѣховный, «учить опытный въ борьбѣ духовной, — «отбрось его со всею силою — и онъ оставитъ тебя въ покоѣ: иначе, допущенный въ душу, онъ возобладаетъ тобою всѣмъ: усладившись имъ, ты уже въ рабствѣ

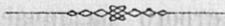
у него и — бойся! можешь остаться въ горькомъ рабствѣ — до смерти». Бодрствуй надъ внѣшними чувствами твоими: онѣ тоже по отношенію къ душѣ нашей, что наружные входы по отношенію къ зданію, — и одинъ изъ пророковъ прямо называетъ внѣшнія чувства *окнами души*, чрезъ кои входитъ въ душу нашу смерть.

Бодрствуй надъ всѣмъ, окружающимъ тебя: не живые только люди съ ихъ нравами, языкомъ и обычаями, а и мертвыя книги съ ихъ умѣніемъ говорить опаснѣе многихъ живыхъ, должны быть строго различаемы, если не хочешь горько жалѣть на выборъ свой.

Бодрствуй, оживляя душу свою, утомляемую на непрерывной ея стражѣ — тѣмъ, что составляетъ истинную ея жизнь — ея воздухъ, ея дыханіе, — молись! Припадай Ему, Христу — Цареву Богу нашему и взывай къ Нему, какъ взывалъ утопавшій Апостоль: *Спаси мя Господи, пощобаю*, — и Онъ простретъ и тебѣ милующую руку, и къ тебѣ будетъ слово: *прииди, маловѣре, почто усумнѣлся еси?*

Только, бодрствуя неусыпно, молясь неослабно, будемъ братіе, и бодрствовать и молиться такъ, какъ учитъ Апостоль, — *не высокоумрствующе, а смиренными вѣдуящися*. Не будемъ полагаться ни на какую твердость свою ни на какую чистоту свою. «Не вѣрь, говорить одинъ подвижникъ» не вѣрь брэнной своей плоти во всю свою жизнь, и не надѣйся на воздержаніе ея, дондеже не представиши Христу». — Тамъ только, гдѣ наше мертвенное облечется въ безсмертное и тлѣнное въ нетлѣнное, тамъ только, у Христа и Бога нашего, покой, — здѣсь подвигъ — и смиреніе предъ Богомъ, людьми и самими собою.

Да не раздѣляется жь чистая жизнь отъ смиренія, какъ не раздѣлилъ ихъ, въ молитвѣ своей, св. Ефремъ Сиринъ и какъ не раздѣляемъ ихъ мы въ настоящей бесѣдѣ нашей: молясь о духѣ цѣломудрія, будемъ всегда молиться и о духѣ смиренномудрія, взывая: *духъ цѣломудрія и смиренномудрія даруй ми, рабу Твоему!* Аминь.

ПОУЧЕНИЕ VII.

Въ великій вторникъ страстной седмицы.

Духъ терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему!

Кто изъ насъ, братіе, не страдалъ, не страдаетъ и никогда не будетъ страдать? Кто, поэтому, не терпѣлъ, не терпитъ и не будетъ терпѣть въ жизни своей? — Страдать и терпѣть, терпѣть и снова страдать — это какъ бы нѣкоторый законъ, подъ которымъ человѣкъ рождается, подъ которымъ живетъ и подъ которымъ умираетъ. Такъ, это подлинно, законъ — и законъ древній, какъ древень въ мірѣ грѣхъ, — законъ всеобщій для всего человѣчества, какъ всеобщъ грѣхъ, — законъ непреложный и неизмѣняемый, какъ непреложна и неизмѣняема воля Законодателя, подчинившаго этому закону перваго преступника райскаго закона, а съ нимъ, естественно, и все грѣшащее потомство его, — всѣхъ насъ!

Если такъ, то страдать должно, какъ ни тяжело страдать, — терпѣть надобно, какъ ни горько терпѣть. Такъ думалъ человѣкъ, не просвѣщенный Вѣрою. «Тяжело, говорилъ одинъ размышлявшій язычникъ, «но терпѣніемъ облегчается то, чего перемѣнить нельзя». «Терпи охотно, говорилъ другой: «иначе будешь терпѣть противъ воли». — Что это за безотрадное терпѣніе! Что это за горькое утѣшеніе — терпѣть потому, что нельзя не терпѣть, потому, что терпятъ

всѣ! Какъ будто горькая чаша можетъ сдѣлаться менѣ горькою, если соединится съ моремъ той же горечи! Какъ будто мысль, что чаша моя ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣ горькою, — эта безотрадная мысль можетъ уладить мою чашу! Напротивъ, она становится невыносимо горькою отъ мысли, что нѣтъ средствъ уменьшить ея горечь.

Что же христіанство? Указало ли оно это средство, облегчающее терпѣніе? Есть ли у него какое нибудь врачевство для страждущихъ? О братіе! Если и у Того, Кто есть *утѣха Израилева и чаяніе языковъ*, не найдемъ мы облегченія страданіямъ нашимъ, если и Онъ не умягчитъ сердце чловѣческихъ въ ихъ терпѣніи; то ктожь и что другое въ мірѣ поможетъ чловѣку нести бремя жизни со всѣми разнообразными ея случайностями — съ болѣзнями, страстями, оскорбленіями отъ людей, безпомощною бѣдностію, обременительнымъ богатствомъ, тяжкою подчиненностію, разстроеннымъ управленіемъ — со всѣми этими стрѣлами, такъ глубоко и такъ болѣзненно уязвляющими сердце чловѣческое? — Есть у христіанства елей, которымъ умягчаются самыя застарѣлыя раны сердца чловѣческаго, отъ котораго расширяется и свободно дышетъ сердце, подавляемое самыми тяжкими страданіями. *Духъ любви даруй ми, рабу Твоему!* взываетъ подвижникъ Христовъ, — взываетъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ воззвалъ: *духъ терпѣнія даруй ми, рабу Твоему!* Чувствовала душа праведная, что одно терпѣніе безъ любви тяжело, безотраднo, что надобно чѣмъ нибудь умягчить сердце страждущее для того, чтобы оно не до конца отвердѣло, чтобы, терпя все, не сдѣлалось оно унылымъ и безотраднымъ, — и молится о любви, — о томъ чувствѣ, которое составляетъ жизнь чловѣческаго сердца. Такъ, бра-

твѣннѣе отъ чловѣка, гдѣ нѣтъ ни волеи отъ чловѣка, гдѣ

тіе, любовь, по истинѣ, — жизнь сердца человѣческаго: чего не перенесеть, на какихъ тяжкихъ путяхъ жизни не устоитъ духъ, оживотворяемый любовью? Для нея терпѣніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ представляетъ его холодный разумъ, не существуетъ, — она — вся терпѣніе, и между тѣмъ въ ней ничего нѣтъ такого, по чему бы можно было сказать о ней, какъ иногда говорятъ о терпѣніи: «горькое терпѣніе!» — И такова любовь даже въ естественномъ состояніи своемъ, сколько нибудь правильномъ: довольно вспомнить каждому изъ насъ одну любовь къ нему матери своей. Вспоминая всѣ страданія, жертвы, слезы ея, вы едва ли припомните хотя одну жалобу ея на свои страданія, жертвы, слезы, терпѣніе. Какова жъ любовь въ ея чистомъ видѣ, очищенная отъ всего, что можетъ дѣлать ее или нечистою, или, по крайней мѣрѣ, несовершенною? Какова любовь христіанская, не плотію и кровію, а Духомъ Божиимъ поражаемая? — Вотъ какою изображаетъ ее тотъ, кто прежде нежели началъ писать о ней, осуществилъ ее на самомъ дѣлѣ — въ своей жизни: *любы, пишетъ онъ, долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ, любы не превозносится, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему въру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ.* Для такой любви, *николиже отпадающей*, страданія жизни не страшны, терпѣніе не горько, — она *вся терпитъ*, — терпитъ, *милосердуя* о тѣхъ, отъ кого терпитъ.

Осуществился ли на землѣ такой образъ, или какъ мы говоримъ, — *идеалъ* любви, во всемъ ея пространствѣ и силѣ?

Грядый Господь на вольную страсть нашего ради спасения, Христось, истинный Богъ нашъ, страданіями Своими да скажетъ сердцу каждаго изъ насъ всю широту и всю глубину терпѣнія, любовію растворяемаго, и духъ терпѣнія и любви Своея да подастъ, благодатію Своею, всякому вѣрному рабу Своему! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ VIII.

Въ великую среду страстной седмицы.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!

Таково послѣднее воззваніе молитвы, въ послѣдній разъ возглашенной нынѣ церковію! Услышимъ ли, всѣ ли мы, братіе, услышимъ молитву сію въ будущую четыредесятницу? Увы! можетъ быть не одинъ изъ насъ услышитъ, въ будущемъ лѣтѣ, не молитву, а вѣчный приговоръ себѣ — и не здѣсь, въ храмѣ, а тамъ, на томъ судѣ, на которомъ изрекаются приговоры всѣмъ смертнымъ скорѣе и вѣрнѣе, нежели на всѣхъ, самыхъ лучшихъ, судахъ человѣческихъ! Тѣмъ внимательнѣе, поэтому, надобно вслушаться каждому изъ насъ въ молитву св. подвижника Христова, въ ея послѣднее прошеніе.

Замѣчаете ли, братіе, какъ усилился молитвенный вопль подвижника въ этомъ прошеніи? Съ силою многою взывалъ онъ ко Господу и Владыкѣ живота, когда молился объ избавленіи его отъ грѣха и о дарованіи ему всего чистаго и святаго, укрѣпляющаго и возвышающаго душу человѣческую; но когда въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на себя, въ глубину души своей; то что увидѣлъ онъ тутъ? — увидѣлъ, что его собственныя прегрѣшенія остаются для него незамѣ-

чаемыми, какъ бы не существующими, а грѣхи ближняго видятся зорко и предаются осужденію, — увидѣлъ — и крѣпкій молитвенный вопль самъ собою исторгся изъ сокрушеннаго сердца: *ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего!*.. Какъ дара, какъ благодати, онъ просить у Бога — зрѣть свои прегрѣшенія и не зрѣть — не осуждать грѣшащаго брата своего.

И если для такого подвижника, каковъ былъ св. Ефремъ Сиринъ, нуженъ былъ этотъ даръ Божій; то въ какой мѣрѣ необходимъ онъ для всѣхъ и каждаго изъ насъ, братіе, кто бы мы ни были, юные или старые, люди просвѣщенные, или люди темные! Всякій, кто сколько нибудь всматривался въ свою душу, не могъ не замѣчать, что есть въ ней какое-то, прирожденное ему, нерасположеніе къ тому, чтобы зрѣть свои прегрѣшенія. Что нибудь всегда затемняетъ намъ зрѣніе на самихъ себя, — и если, временами, просвѣтляется оно у насъ, то какъ бы для того только, чтобы потомъ еще болѣе потемнѣть: мы какъ бы боимся самихъ себя, боимся близкой встрѣчи съ самими собою. Отъ чего бы ни происходило такое нерасположеніе видѣть себя въ настоящемъ свѣтѣ, — отъ того ли, что грѣхъ не свойственъ Богоподобной природѣ нашей, или отъ того, и вѣрнѣе отъ того, что первый грѣхъ въ раю — гордость, самолюбіе есть грѣхъ всѣхъ и каждаго изъ насъ, но во всякомъ случаѣ пагубно, крайне пагубно, братіе, оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самихъ. Будетъ ли заботиться объ исправленіи своей жизни тотъ, кто не знаетъ, что въ немъ худаго, въ какомъ состояніи его внутренній миръ? Будетъ ли у насъ снисхожденіе къ проступкамъ ближняго, когда наши проступки не рассматриваются и не оцѣниваются нами, когда грѣшнымъ

мы (какъ сами иногда выражаемся) — *безсознательно*? О, не ждите пощады грѣху ближняго отъ того, кто не зрѣтъ своихъ прегрѣшеній! Прощать, снисходить ближнему — это своего рода состраданіе, а какое можетъ быть состраданіе къ другому у того, у кого нѣтъ состраданія къ себѣ самому, кто губитъ себя грѣхомъ въ лучшихъ дарахъ, полученныхъ отъ Бога, и губя, не только не чувствуетъ скорби, а напротивъ утѣшается каждымъ новымъ грѣхомъ, т. е. каждою новою раною, наносимою душѣ своей? Прощать, снисходить ближнему — это истинное сердоболіе; а какое сердоболіе къ другому у того, кто никогда не болѣлъ душею о себѣ самомъ, а не болѣлъ потому, что никогда не зналъ и никогда не хотѣлъ знать себя самага? — Въ такомъ состояніи души весь судъ безъ милости достается на долю ближняго — тотъ неумытннй судъ, который всею тяжестію своею и по всей правдѣ долженъ бы пасть на насъ самихъ.

Какъ приучить себя зрѣтъ свои прегрѣшенія? (Ахъ, братіе! говоримъ *приучить* — всѣмъ, какъ бы многому кто ни былъ наученъ: ибо всѣ мы въ наукѣ самопознанія такъ слабы!). Какъ приучить себя зрѣтъ свои прегрѣшенія?

На одномъ изъ языческихъ храмовъ сіяла надпись: *познай самага себя*, а въ самомъ храмѣ научались не познанію, а забвенію себя.

На храмахъ нашихъ, христіанскихъ, нѣтъ такихъ надписей, — есть одинъ крестъ, — въ самыхъ же храмахъ — Распятый на немъ. Здѣсь — и только здѣсь для всѣхъ насъ полная и глубочайшая наука не познанія только своей души, а и врачеванія и исцѣленія ея, — и такая наука, для изученія которой не нужны ни годы, ни таланты

наши, — нужна хотя одна благодатная минута, хотя одинъ сокрушенный вздохъ покаянія предъ Нимъ!

О, да подасть Онъ, человеколюбець, таковую минуту всеѣмъ душамъ, кающимся нынѣ предъ Нимъ, ищущимъ у Него помилованія и разрѣшенія отъ связующихъ душу узъ грѣха! Да явятся къ Нему всеѣ кающіеся съ воплемъ въ сердцѣ: *ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!* Аминь.

БИБЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

За нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мы познакомили нашихъ читателей съ новымъ сочиненіемъ К. М. Базили «Сирія и Палестина подъ турецкимъ владычествомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ». Еще до изданія книги авторъ позволилъ намъ помѣстить въ Хер. Епарх. Вѣдомостяхъ отрывокъ изъ нея. Она — эта замѣчательная книга, составляющая рѣдкое и отрадное явленіе въ нашей литературѣ *), наконецъ вышла изъ печати. При живомъ и увлекательномъ разсказѣ, книга г. Базили богата свѣдѣніями, совершенно новыми не только для насъ, но и для западныхъ литературъ, загроможденныхъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе всяческими твореніями о Востокѣ, о его племенахъ и правительствѣ. Въ настоящее время дѣла Востока внушаютъ живѣйшее участіе не намъ однимъ, ближайшимъ его сосѣдямъ, но и всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ. По той мѣрѣ, какъ расширяется кругъ дѣятельности христіанскихъ народовъ, европейская семья въ совокупности болѣе и болѣе терпитъ за грѣхъ предковъ своихъ, — за грѣхъ XV вѣка, за допущеніе азіатской ордѣ разрушить древній восточный оплотъ христіанства и цивилизаціи и воцариться на Балкан-

*) Два тома съ картою Сиріи и Палестины. У книгопродавца Бѣлаго въ Одессѣ и у Я. Исакова въ Петербургѣ цѣна 4 руб. сер.

скомъ полуостровѣ. Россія терпитъ, по сосѣдству, еще болѣе чѣмъ другіе европейскіе народы, но она чиста совѣстію, она непричастна грѣху XV вѣка, она едва оправилась въ ту пору отъ татарскаго ига.

«Россія, говоритъ авторъ, ничѣмъ инымъ могла въ тѣ времена выражать свои сочувствія къ страдальческой церкви Востока, какъ развѣ подаваніями изъ скудныхъ своихъ доходовъ и рѣдкими поклонниками, которые тайкомъ, чрезъ всѣ опасности, приключенія и труды такого странствія, приносили отъ времени до времени дань народного благоговѣнія къ іерусалимской святыни. Но о ходатайствѣ и заступничествѣ за святыню и за Вѣру на востокѣ, за степями и за морями ей недоступными, она была безсильна и помышлять. Патріархи іерусалимскіе одни геройскимъ трудомъ отстаивали свои права противу надменныхъ притязаній французскаго двора. Съ XVIII вѣкомъ открылся на востокѣ исполнскій подвигъ Петра и его пріемниковъ. Этотъ рядъ блестящихъ войнъ, по вліянію ихъ, на духовныя судьбы востока, независимо отъ политическаго ихъ значенія для Россіи и Европы, мы вправѣ назвать крестовыми походами нашего отечества, и даже, не ради суетной гордости, а въ смиренномъ сознаніи заслуги, Промысломъ Вышняго указанной и благословенной послѣдовательнымъ, прочнымъ успѣхомъ, мы вправѣ поставить подвигъ этотъ выше и благороднѣе всѣхъ рыцарскихъ трехвѣковыхъ походовъ западныхъ племенъ въ Сирію и ихъ походовъ подъ знаменіемъ креста для меркательныхъ и корыстныхъ цѣлей, и ихъ нашествія на восточный оплотъ христіанства, и грабежа тысячи церквей, совершеннаго христіанскими рыцарями (часть II-я, стр. 202.).

Римскіе папы стояли тогда во главѣ европейской политической системы: извѣстно, какое употребленіе сдѣлали они изъ своего громаднаго могущества. Когда дошла до Рима вѣсть о взятіи Константинополя Магометомъ II, Николай V, по сказанію современниковъ, «пролилъ нѣсколько слезъ». Но слезы, пролитыя главою католическаго міра, омыли ли грѣхъ его предшественниковъ—главныхъ виновниковъ паденія христіан-

саго царства, которое съ VІІ по XV вѣкъ продолжало постоянную борьбу съ магометанскимъ натискомъ?..

Въ глазахъ мыслителя-христіанина логическая цѣпь связываетъ между собою всѣ великія историческія событія. Современныя намъ политическія кризисы — не случайности какія либо. Они стоятъ въ строгомъ соотношеніи къ минувшему. Въ настоящую эпоху тревожный, кровопролитный кризисъ, съ 1821 года принимавшій размѣры болѣе и болѣе широкіе, становится зломъ нормальнымъ. Врядъ ли бытописанія древняго и новаго міра могутъ представить намъ проблему мудренѣе современной намъ Восточной проблемы, недавно стоившей жизни полъ милліону людей — можетъ быть и болѣе, и доселѣ продолжающей губить людей частными своими проявленіями — то въ Сиріи и малой Азіи, то въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи.

Книга, о которой мы говоримъ и которой чтеніе наводитъ на эти грустныя мысли, служитъ лучшимъ поясненіемъ мрачной Восточной драмы и ея послѣдовательныхъ кровавыхъ эпизодовъ.

Авторъ сперва излагаетъ основныя начала гражданскаго общества въ магометанскомъ мірѣ и бросаетъ новый свѣтъ на феодальную систему Востока и на самый организмъ Оттоманскаго царства. Историческій очеркъ Сирійскихъ событій въ прошедшемъ вѣкѣ представляетъ намъ особенный интересъ въ рыцарскихъ подвигахъ нашего Чесменскаго флота у береговъ Сиріи. Едва ли не новость для нашей читающей публики тотъ фактъ, что за 90 лѣтъ предъ симъ наши моряки штурмовали Бейрутъ, брали контрибуціи съ Друзовъ и заключали конвенціи съ владѣтелемъ Египта Али-бекомъ и съ Шейхомъ Галилейскимъ Дагеръ-эль-Омаромъ, что еще въ тѣ времена Ливанскіе горцы, Друзы и

Христіане за одно хотѣли отложиться отъ Порты и ходатайствовали о покровительствѣ русскомъ.

По мѣрѣ того, какъ историческій рассказъ приближается къ нашимъ временамъ, интересъ возрастаетъ, и вслѣдъ за походомъ Наполеона въ Сирію и за войною 1832 года между Султаномъ Махмудомъ и Египетскимъ пашею, Россія становится первенствующею державою въ дѣлахъ Востока. Появленіе нашего флота и десантнаго войска въ столицѣ султановъ и спасеніе Оттоманской династіи дипломатическимъ и военнымъ заступничествомъ Россіи, спустя четыре года послѣ похода нашего подъ самыя стѣны Царьграда, и Хункьярь-Скелескійскій трактатъ, о которомъ было до сего времени столько различныхъ толковъ — всѣ эти загадочныя историческія факты, касающіеся современной исторіи нашего отечества, изложены ясно, отчетливо, съ полнымъ знаніемъ дѣла и увлекательно. Вслѣдъ за кризисомъ 1833 года восточная драма расширяется по поводу новой войны между Египетскимъ пашею и Султаномъ, и въ 1840 году обнимаетъ всю Европу, и вопросъ о Сиріи грозитъ всеобщею войною.

Книга писана на мѣстѣ очевидцемъ самыхъ событій, принимавшимъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1840 года и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ переговорахъ между великими державами объ устройствѣ Сирійскихъ племенъ. Она содержитъ много характеристическихъ подробностей и богата такими наблюденіями, которыя исключительно принадлежатъ писателю политическому, зрѣло изучившему Востокъ и внутренній бытъ его племенъ и историческія судьбы и нынѣшнія испытанія этихъ страдальческихъ племенъ Оттоманскаго Востока.

Предоставляемъ себѣ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ епарх. Вѣдомостей войти въ нѣкоторыя подробности

объ Иерусалимскомъ престолѣ и о дѣлахъ святоградскихъ, поясненныхъ въ книгѣ г. Базили съ чувствомъ неподдѣльнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ безпристрастіемъ, безъ всякихъ восторженностей и прикрасъ.

Здѣсь выпишемъ, пока, изъ книги г. Базили тѣ наблюденія, которыя преимущественно касаются вліянія Оттоманской реформы на судьбу христіанскихъ племенъ Турціи въ разныя эпохи ея проявленія при Махмудѣ и при Абдуль-Меджидѣ.

• Во время пребыванія нашего лагеря на берегу Босфора (1833 г.), не одинъ разъ Султанъ Махмудъ лично командовалъ маневрами Хункьярь-Скелесійскаго лагеря, дѣлалъ смотръ, восхищался бодрымъ видомъ, дисциплиною и красотою строя нашихъ полковъ. Впечатлѣніе, произведенное въ Султанѣ, въ правительствѣ, въ войскѣ и въ народѣ Оттоманскомъ кратковременнымъ пребываніемъ русскаго войска и флота въ Константинополь, послужило какъ бы торжественнымъ подтвержденіемъ благорасположенія російскаго двора къ сосѣдственной державѣ послѣ Адрианопольскаго мира. Открывалась новая эра для милліоновъ восточныхъ христіанъ по чувству признательности ихъ государя къ единовѣрной имъ державѣ. И въ самомъ дѣлѣ шестилѣтній періодъ съ 1833 года до смерти Махмуда, былъ періодомъ практической вѣротерпимости турецкаго правительства.

Въ этомъ періодѣ не издавалось никакихъ писанныхъ уставовъ о вѣротерпимости, о равенствѣ подданныхъ всѣхъ исповѣданій; не провозглашалось никакихъ торжественныхъ обѣтовъ къ подвластнымъ племенамъ; правительство Оттоманское не хвалилось еще новыми филантропическими началами, не бросало пыли въ глаза довѣрчивой Европѣ тѣми пріемами, которые ознаменовали слѣдующее царствованіе, и о которыхъ будемъ имѣть случай говорить. Но личная твердая и искренняя воля самодержавнаго Махмуда вводила въ правительство новыя начала вѣротерпимости и сурово укрощала фанатизмъ правовѣрнаго народа. Бысокій умъ преобразователя постигалъ, что владѣтельное племя уже выполнило подвигъ, предназначенный ему судьбою, и что Коранъ, коимъ была, во время оно, создана Оттоманская имперія,

не можетъ придать новую жизнь распадавшемуся царству. Онъ не унывалъ, а полагался на подвластные ему христіанскія племена.

Среди горькихъ испытаній этой эпохи, когда по первому призыву бунтовщика отторгались отъ законнаго государя одно за другимъ Малоазійскія племена, спасенныя Махмудомъ отъ тиранства Дербеевъ, когда мусульманское народонаселеніе столицы, спасенное имъ отъ наглаго безчинства Янычаръ, было готово къ измѣнѣ, — въ эту эпоху еще болѣе, чѣмъ въ борьбѣ съ Янычарами Дербеями, Махмудъ разлюбилъ свой правовѣрный народъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ хорошо постигалъ послѣдствія тѣхъ льготъ, которыя, по деспотической своей волѣ не совѣщаясь съ ненавистными ему Улемами, и безъ всякихъ законодательныхъ формъ и фразъ, даровалъ онъ христіанамъ. Онъ предвидѣлъ, что замышленное имъ равенство между христіанами и мусульманами, разломаетъ до основы общественное и политическое зданіе его предмѣстниковъ; что христіанское народонаселеніе Европейской Турціи, по численному своему превосходству надъ мусульманами, и еще болѣе по преимуществамъ ума и трудолюбія, возьметъ перевѣсъ по всемъ степенямъ правительственной іерархіи, отъ сельской управы до государственнаго совѣта, какъ только будетъ ему предоставлено политическое равенство; что мусульмане не подчинятся новому порядку вещей, несомвѣстному съ фанатизмомъ и съ наслѣдственною гордостью потомства завоевателей; что они возстанутъ бунтомъ на правительство; что правительство легко ихъ растопчетъ въ Европейской Турціи своими христіанскими ополченіями; что Азіятская Турція, гдѣ преобладаетъ магометанскій элементъ, отпадетъ отъ султанской власти; что Султану предстанетъ необходимость избрать одно изъ двухъ, или самому принять христіанство, возстановить Византійскій престолъ на прочномъ основаніи религіознаго союза съ подданными и завоевать Малую Азію своимъ христіанскимъ оружіемъ, или перейти въ Азію, и фанатизмомъ ея народа возсоздать мусульманское царство на коренныхъ его началахъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что практическій умъ Махмуда все это предвидѣлъ, и не боялся крайнихъ послѣдствій предначертаннаго плана. Въ Корсапъ онъ не вѣрнулъ, какъ ни одинъ изъ просвѣщенныхъ мусульманъ въ него не вѣрнулъ, а Турокъ онъ глубоко презиралъ).

Возвратимся къ нашему разсказу. Мехметъ-Али, принужденный

довольствоваться жребіемъ вассала и расширеніемъ предѣловъ вѣтренныхъ ему областей, удерживаль однакожь за собою хребетъ Тавра, будто въ залогъ и въ угрозу новыхъ покушеній на потрясенную имъ имперію. За то Султанъ съ своей стороны въ обезпеченіе своего спокойствія заключалъ Хункьярь-Скелесійскій договоръ съ Россією. Россія обязывалась моральнымъ и матеріальнымъ своимъ содѣйствіемъ защитить Оттоманскую имперію въ случаѣ новыхъ напастей. Договоры должны быть основаны на взаимности; иначе та держава, которая пріобрѣтаетъ право защиты, становится покровительствующею. Россія не могла ожидать отъ Турціи ни матеріальнаго, ни моральнаго содѣйствія. По сему-то особенною секретною статьею пояснялось, что Турція освобождалась отъ подобной обязанности къ Россіи, а въ замѣнъ обѣщанной защиты долженствовала только закрыть Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ націй.

Договоромъ этимъ облекалось впервые въ дипломатическую форму правило постоянно существовавшее, и которое за тѣмъ вошло въ международное европейское право по общему согласію великихъ державъ въ 1841 году, когда исходилъ срокъ Хункьярь-Скелесійскаго трактата. И такъ вопросъ о правѣ былъ разрѣшенъ Европою согласно тому началу, которое положено было Россією. Не менѣе того общественное мнѣніе во Франціи и въ Англіи возопило противу притязанія Россіи закрыть военнымъ флотамъ проливъ, который никогда не былъ имъ закрытъ. Обѣ Западнаыя державы протестовали. И трактатъ и протесты никакихъ практическихъ результатовъ не имѣли. Дѣло по существу своему пребыло отвлеченнымъ.

Общественное мнѣніе Запада упускало изъ виду историческіе факты, совершенно поясняющіе самое направленіе, которому слѣдоваль русскій кабинетъ въ новомъ договорѣ съ Портою. При греческихъ императорахъ мореходныя республики Италіи вели дѣятельную торговлю въ Черномъ морѣ. Турки, по завоеваніи Константинополя, закрыли море это европейской торговлѣ. Три слишкомъ вѣка было оно частною собственностію Турціи. Торговое мореплаваніе подъ турецкимъ флагомъ ограничивалось грузами продуктовъ, забираемыхъ насиліемъ и безъ платы изъ Дунайскихъ княжествъ, для прокормленія столицы, да грузами Кавказскихъ невольниковъ и невольницъ. Ни одинъ Европейскій флагъ не могъ показаться тамъ, гдѣ за тысячу слишкомъ

лтъ до Рождества Христова свободно плавали корабли древней Греціи. Когда Россія завоевала сѣверный берегъ Чернаго моря, она Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ заставила Турцію отречься отъ своей завистливой монополіи и открыла всемірной торговлѣ поприще новой дѣятельности. Заботясь о безопасности своихъ беззащитныхъ береговъ, и охраняя своимъ флотомъ торговлю всѣхъ народовъ въ этомъ внутреннемъ морѣ, она безъ сомнѣнія не могла довольствоваться тѣмъ обезпеченіемъ, что Султаны по праву, основанному на обычаѣ, не выпускали въ Черное море военныхъ флотовъ; а потому обратила право это въ обязанность Султановъ на основаніи здоровой политической теоріи. Но въ существѣ могла ли она полагаться на договоръ подписанный турецкимъ правительствомъ по дѣлу собственной ея безопасности? Могла-ли она полагаться на прочность этаго договора тогда, какъ Западная Европа такъ завистливо смотрѣла на законопреобладающее ея вліяніе на Востокъ, вліяніе чисто охранительное? Естественнымъ послѣдствіемъ разслабленія Оттоманской имперіи есть періодическій перевѣсъ вліянія то одной то другой изъ великихъ державъ. Послѣ Адрианопольскаго мира, и особенно въ описываемую нами эпоху, перевѣсъ по необходимости принадлежалъ Россіи; но безъ сомнѣнія не навсегда, даже не надолго, какова бы нибыла мѣра оказанныхъ благодѣяній, какова-бы ни была умѣренность ея дѣйствій. Вотъ почему Хункьярь-Скелесійскій трактатъ ограничивался восьмилѣтнимъ срокомъ, и въ тоже время приступала Россія къ усиленію матеріальныхъ средствъ своей защиты въ Черномъ Морѣ.

За тѣмъ, по поводу новаго направленія, принятаго реформою въ 1839 году при Абдуль-Меджидѣ, авторъ входитъ въ слѣдующія подробности:

Потеря войска и флота не были еще самымъ великимъ бѣдствіемъ для Турціи. Заступничество державъ, при всѣхъ своихъ невыгодахъ, служило ей достаточнымъ обезпеченіемъ. Но величайшимъ для нея бѣдствіемъ была потеря того Султана, чей умъ, чья твердая воля поддерживали изнемогшее государство, и если по недостатку матеріальныхъ средствъ не могли наказать бунтующаго вассала, по крайней мѣрѣ укрощали злой умыселъ той случайной олигархіи, которой Султаны принуждены ввѣрять правительственную власть. Съ первыхъ дней

новаго царствованія сплетни серая и борьба министерскихъ вліаній превозмогли добрыя природныя наклонности Абдуль-Меджида. Обстоятельства придавали особенный вѣсъ министру иностранныхъ дѣлъ Решидь-пашѣ, недавно возвратившемуся изъ Лондона. По его внушенію, и подѣ благовиднымъ предлогомъ развитія системы Махмудовой въ новомъ и торжественномъ видѣ, министры успѣли ограничить права верховной власти конституціонною пародією, извѣстною подѣ именемъ *Гюльханейскаго Хати-шерифа*.

Мы имѣли уже случай выскнуть въ смыслъ и въ направленіе принятой Махмудомъ реформы. Съ вѣдома его она очевидно клонилась къ коренному измѣненію государственнаго права Турціи. Махмудъ бодро шелъ по проложенной стези, съ убѣжденіемъ что христіанскій элементъ возьмѣтъ законный перевѣсъ. Онъ сохранялъ деспотическія формы, какъ надежднѣйшее средство къ направленію предстоящимъ кризисамъ. Въ рукахъ государя, одареннаго твердою волею, права самодержавія служили къ укрощенію правительственнаго своеволія, столько же такъ и народнаго фанатизма. Махмудъ послѣдовательными распоряженіями, и еще болѣе личнымъ своимъ примѣромъ и дѣйствіемъ укрощалъ самоуправство и готовилъ элементы гражданскаго порядка, основаннаго на равенствѣ подданныхъ предѣ закономъ и на отвѣтственности лицъ облеченныхъ властію. Онъ не провозглашалъ никакихъ теорій, не дѣлалъ торжественныхъ обѣтовъ, не связывалъ себя никакими обязательствами, не издавалъ законовъ, которыхъ исполненіе несбыточно въ Турціи. Онъ ограничивался практическою реформою и не любилъ бредней.

Теперь наступили времена другія. Съ измѣненіемъ внѣшнихъ формъ измѣнилось существенное направленіе предпринятаго Махмудомъ государственнаго преобразованія. Обманутой своими министрами молодой преемникъ Махмуда осудилъ самаго себя совершенному безсилію, предоставилъ бездарнымъ, корыстнымъ, невѣрнымъ временщикамъ судьбу государства и династіи, и вмѣсто возсозданія имперіи по слѣдамъ отца, ускорилъ ея разрушеніе.

22 Октября 1839 года были созваны въ одинъ изъ дворовъ стараго серая, у *Гюльхане*, (бесѣдки розъ) всѣ вельможи, всѣ высшіе сановники военные и гражданскіе, улемы, духовные главы подвластныхъ народовъ, представители всѣхъ сословій. Дипломатическій кор-

пусть также былъ приглашенъ на это торжество, во свидѣтели обязательствъ, добровольно налагаемыхъ Султаномъ на себя самага. Султанъ возсѣдалъ въ открытомъ кіоскѣ въ виду пестраго собранія. Риза-паша, министръ двора, принялъ изъ рукъ его Хати-шерифъ и передалъ Решидъ-пашѣ, которому поручено было прочесть во всеуслышаніе.

Султанъ общалъ своему народу коренное преобразование государственнаго права и искорененіе тѣхъ золь, которыя отъ давности и отъ насилія вошли въ законную силу. Воспрещалъ продажу должностей и льготъ, равно и лихоимство, которое подъ именемъ *Рюш-фета* составляетъ почетное преимущество власти и восходитъ даже до престола. Онъ отрекался отъ права произвольныхъ казней и опаль, равно и отъ права конфискаціи имущества и отъ всякихъ произвольныхъ наборовъ и налоговъ. Всѣмъ подданнымъ безъ изъятія даровалась безопасность жизни, чести, имущества. Воспрещалось употребленіе яда, кияжала и пытокъ. Предписывалось судить виновныхъ публично, и никого безъ суда не казнить. Уничтожались монополіи продуктовъ и отдача казенныхъ налоговъ и доходныхъ статей въ откупное содержаніе (ильтизамъ). Предписывалась правильная раскладка податей и повинностей, по соразмѣрности со средствами каждаго. Указывая на вѣковыя язвы имперіи, и приписывая имъ упадокъ торговли и промышленности, объединеніе народа и ослабленіе государства, указывая въ то же время на преимущества географическаго положенія края, на богатство его почвы, на способности народонаселенія, Султанъ общалъ въ немногіе годы силою своего Хати-шерифа достигнуть вождедѣйнаго благосостоянія, а для этой цѣли предписывалъ онъ правительству составить новые законы и издать новыя постановленія, основанныя на новыхъ началахъ указанныхъ въ Хатъ-шерифѣ, и на коренныхъ началахъ духовнаго закона, которымъ оправдывались даруемыя Султаномъ льготы. Эти льготы, эти права даровались волею Султана всѣмъ подданнымъ *безъ различія исповданія*, то есть провозглашалась уже не вѣротерпимость, но — *рѣшительное равенство между христіанами и мусульманами*. «Въ залогъ сихъ обѣтовъ нашихъ, присовокуплялъ Султанъ въ своемъ манифестѣ, мы присягаемъ именемъ Аллаха предъ Санджакъ-Шерифомъ, священнымъ знаменемъ пророка, въ точномъ ихъ соблюденіи, и примемъ въ томъ присягу улемъ и высокихъ сановниковъ нашихъ».

За тѣмъ была прочитана публичная молитва; всѣ присутствовавшіе произнесли *Аминь*; были принесены многочисленныя жертвы; и самъ Султанъ съ Хати-шерифомъ въ рукахъ вошелъ въ тотъ покой, гдѣ хранится Санджакъ-Шерифъ, присягнувъ возложивши руку на эту заветную святыню Ислама, и присягнули за нимъ всѣ вельможи, всѣ министры и всѣ представители высшей духовной іерархіи Ислама.

Трудно было придумать формы болѣе торжественныя и болѣе обязательныя для освященія новаго порядка вещей. Если-бы судьба народовъ и царствъ зависѣла отъ фразеологій и отъ торжественности обрядовъ, Гюльханейскій актъ открылъ-бы новую эру благосостоянія для Турціи, какъ это было обѣщано Султаномъ. Актъ этотъ положилъ начало преобладающей теперь въ Турецкомъ правительствѣ системѣ торжественныхъ обязательствъ. Съ той поры виновники народныхъ бѣдствій набрасываютъ покрывало человеколюбивыхъ и либеральныхъ теорій и цвѣты краснорѣчія на чудовищную вещественность фактовъ.

Редакторъ манифеста Решидъ-паша не даромъ пребылъ столько лѣтъ зрителемъ конституціоннаго права въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Онъ хорошо постигъ, какое приложеніе можетъ имѣть оно въ Турціи. Единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ этой конституціонной пародіи было усиленіе министерской власти въ ущербъ власти монаршей, которая обращалась въ орудіе того изъ министровъ, чьи способности, чье пронырство могли завладѣть пружиною управленія и вліяніями обступающими Султана. Султанъ клятвенно отказался отъ права произвольныхъ казней и опалъ, отъ права конфискаціи имущества. Кто же, какъ не министры и вельможи, былъ подверженъ Султанской опалѣ? Право конфискаціи служило въ Турціи къ обузданію непоумѣрнаго корыстолюбія пашей и вельможъ. По истребленіи наследственныхъ Дербеевъ Султаномъ Махмудомъ нѣтъ въ Турціи другой аристократіи, кромѣ служебной; между Турками рѣшительно нѣтъ другихъ богатствъ кромѣ тѣхъ, какія всякъ, по мѣрѣ средствъ, наживаетъ въ службѣ. По старому государственному праву состояніе нажитое въ казенной службѣ могло быть по произволу Султана описано въ казну, и даже Султанъ почитался законнымъ наследникомъ лицъ служебныхъ. При такомъ порядкѣ вещей служебныя лица старались не навлекать на себя подозрѣнія въ чрезмѣрномъ обогащеніи. Гюльханейская присяга Султана освободила временщиковъ власти отъ постоянно висѣвшей

надъ ихъ головою угрозы. Теперь могутъ они спокойно наслаждаться добромъ нажитымъ всякими беззаконіями. Правда, власть министровъ подчинялась теперь законнымъ ограниченіямъ; но на министровъ было возложено составленіе новыхъ законовъ, которыми надлежало осуществить прекрасныя теоріи Султанскаго манифеста, а кромѣ указаннаго нами ограниченія Султанской власти остальное пребыло и пребудеть теоріею. Измѣнились формы; полицейская власть лишилась права смертной казни, которое было предоставлено прежде ея произволу; пытка воспрещена. Но въ существѣ правосудіе не улучшилось нисколько. Оно лишилось быстроты своихъ дѣйствій, которая составляла въ прежнемъ порядкѣ вещей единственное практическое его преимущество въ Турціи. Самоуправство власти стало проявляться не въ прежнемъ грубомъ видѣ, съ кинжаломъ и съ висѣлицею; но въ коварныхъ преслѣдованіяхъ, которыя съ той поры замѣнили для народа судебную пытку прежней эпохи. Убѣжденіе челоуѣка въ своей силѣ какъ то облагораживаетъ его; безсиліе власти, взросшей въ навыкѣ самоуправства, развращаетъ общество, непроникнутое святостію закона. Когда для спасенія государства предстоить необходимость кореннаго переворота въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ нравахъ и въ законахъ, единственное къ тому средство — власть деспотическая, каково бы ни было ея проявленіе, монархическое ли или республиканское; а министры Абдуль-Меджида, помышляя только о своихъ личныхъ выгодахъ, о безопасности своихъ особъ и нажитыхъ богатствъ, воспользовались въ эту пору слабостію своего государя, чтобы публичнымъ актомъ ограничить единственную въ имперіи власть, которая могла стремиться къ добру. Гюльханейскій манифестъ походилъ на покрывало сшитое изъ лохмотьевъ, сквозь которое проглядывало сознательное расслабленіе власти въ лицѣ верховнаго ея представителя. Въ то же время централизованное направленіе манифеста ограничивало кругъ дѣйствія всѣхъ областныхъ администрацій въ пользу министерства, осужденнаго въ свою очередь борьбѣ потаенныхъ вліяній внутреннихъ и вѣншихъ и обыкновеннымъ переворотамъ.

Первыя попытки къ осуществленію предписанныхъ положительныхъ реформъ вполнѣ выказали безсиліе правительства. Чудовищная система *Ильтизамовъ*, или откупнаго содержанія сборовъ и податей была торжественно уничтожена Хати-шерифомъ. Откупщики таможенъ, де-

ятины съ полей и другихъ казенныхъ сборовъ, грабили народъ, но исправно вносили условенныя суммы въ казну. Чиновники, которые ихъ замѣнили, неменѣе ихъ стали грабить народъ, но въ то же время грабили и казну, не чувствуя прежняго страха безотчетныхъ опалъ и конфискацій, и зная, что для наказанія ихъ были необходимы судебныя улики. Казна лишилась вѣрнѣйшихъ своихъ доходовъ именно въ такую пору, когда государственный расходъ значительно усилился внесеніемъ въ бюджетъ огромнаго жалованья, которымъ, по смыслу Хати-шерифа, были надѣлены министры, губернаторы и вся администрація. Послѣ такой неудачной попытки правительство по необходимости обратилось къ прежней системѣ ильтизамовъ, которая именно съ этой поры распространилась и усилилась, вопреки Хати-шерифу.

Содержаніемъ отъ казны замѣнялись по смыслу Хати-шерифа доходы присвоенные разнымъ должностямъ, а жалованье, особенно высшимъ сановникамъ, назначено такое огромное, какого не производить ни одно изъ европейскихъ государствъ. Министры напримѣръ и первоклассные паши, управляющіе областію въ 300 т. или 400 т. народонаселенія, стали получать по 120,000 руб. сер. въ годъ въ замѣнъ доходовъ, которыми пользовались они прежде. Главнѣйшіе изъ этихъ доходовъ всегда были — продажа должностей по управленію, взятки (рюшфеть) и пени, налагаемыя отъ времени до времени, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, на города и на округа. Эти доходныя статьи уничтожались Хати-шерифомъ; но изъ нихъ только пени были дѣйствительно уничтожены. Продажа должностей и взятки существуютъ во всей своей силѣ по всему пространству имперіи, особенно въ столицѣ, но въ новомъ болѣе утонченномъ видѣ. Взятка и подарокъ (рюшфеть и пешкешъ) эти вѣковыя преимущества власти, вкоренились въ административныя нравы крива отъ сельскаго старосты до верховнаго визира; вкоренились въ самое понятіе народа о власти. Одною развѣ беспощадною строгостію можно было приступить къ ихъ уничтоженію; а новыя челоуколюбивыя формы, предписанныя Хати-шерифомъ воспрещали строгость. Давно замѣчено, что въ Турецкомъ народѣ найдете людей съ честными правилами во всѣхъ сословіяхъ, кромѣ сословія людей, состоящихъ въ государственной службѣ. Аксиома эта подтверждается и тѣмъ, что какъ только почетный гражданинъ, напримѣръ, или купецъ или ремесленникъ, извѣстный хорошею

нравственностію, сдѣлается правителемъ округа, или просто членомъ городского совѣта (меджлисъ), онъ можетъ по прежнему быть благонадежнымъ лицомъ въ частныхъ дѣлахъ и оборотахъ, но по дѣламъ вѣренной ему должности онъ безъ зазрѣнія совѣсти грабить и народъ и казну. При такомъ направленіи цѣлаго общества откуда могли бы министры, если бы даже помышляли они объ уничтоженіи обычая прибыльнаго для всѣхъ служебныхъ лицъ, избрать орудія для осуществленія теорій изложенныхъ въ Хати-шерифѣ? Правительственные должности остались по прежнему исключительнымъ достояніемъ Турокъ.

Что касается дарованнаго христіанамъ равенства съ мусульманами предъ закономъ, право это, несомнѣнное съ существованіемъ мусульманскаго правительства, среди преобладающаго христіанскаго элемента, послужило только программой новой системы преслѣдованій и гоненій. Оно раздражило и правительственныя и судебныя мѣста противу христіанъ по всему пространству имперіи. Хати-шерифъ повелѣвалъ, чтобы новыя узаконенія проистекали изъ духовнаго закона, на которомъ основано магометанское гражданское общество. Законъ этотъ осуждаетъ христіанъ рабству. При такомъ противорѣчии практическое приложеніе отвлеченной идеи о равенствѣ было несбыточно. Какъ согласить идею равенства съ воспрещеніемъ свидѣтельства христіанина предъ судомъ? а воспрещеніе это сохраняетъ всю свою силу въ Турціи. Правда, оно постановлено не Кораномъ и не первыми четырьмя Халифами, которыхъ законы имѣютъ обязательную силу наравнѣ съ Кораномъ. Законъ, воспрещающій свидѣтельство христіанъ, изданъ гораздо позже, при Дамаскомъ Халифѣ Омарѣ II, следовательно Абдуль-Меджидъ, яко Халифъ, могъ бы въ свою очередь отмѣнить столь чудовищный законъ, не впадая въ ересь. Если же боялся онъ раздражать сословіе законоучителей, включившее чудовищный законъ Омара II въ свое каноническое право, Султанъ могъ бы приказать, по примѣру Мехметъ-Алія и Ибрагима, чтобы гражданскія и уголовныя дѣла между христіанами и магометанами подлежали вѣдѣнію муниципальных совѣтовъ, безъ всякаго вмѣшательства въ эти совѣты муфтіевъ и кадіевъ, обязанныхъ основывать свои юридическія мнѣнія на каноническомъ правѣ. Ибрагимъ-паша съ успѣхомъ употребилъ средство это въ Сиріи, гдѣ даже преобладаетъ магометанскій элементъ.

Въ Европейской Турціи такое постановленіе не встрѣтило бы никакого сопротивленія.

Но министры Абдуль-Меджида ограничились фразеологіею и отвлеченностями. Правительство, составленное изъ привилегированнаго Турецкаго племени, могло ли помышлять объ улучшеніи участи несравненнаго большинства подданныхъ Султана, когда было очевидно, что равенство повело бы къ перевѣсу христіанскаго элемента и къ сверженію правительственной олигархіи, для упроченія которой былъ придуманъ манифестъ? Султанъ съ умомъ и съ твердою волею, каковъ былъ Махмудъ, могъ смѣло основать грядущее величіе своей имперіи и своей династіи на торжествѣ христіанскаго элемента, и могъ къ тому стремиться. Сынъ его, по внушенію своихъ министровъ, упомянулъ въ своемъ манифестѣ о христіанахъ, чтобы довершить очарованіе конституціонной пародіи предъ кабинетами и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Авторъ Хати-шерифа Решидъ вполне успѣлъ въ этомъ, и съ той поры обезпечилъ онъ себѣ самое дѣлительное сочувствіе Англійскаго кабинета.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

19-е Февраля въ Субботцѣ. — Сельскіе приговоры о содержаніи школъ и новое братство въ Кіевской епархіи. — Возстановленіе братствъ — дѣло доброе и не мудреное.—Вѣсти изъ Пекина.

«19-го Февраля временно-обязанные крестьяне г. помѣщика Кефалы, — пишутъ намъ священникъ Іаковъ Каминскій изъ Субботца, 2 округа херсонскаго южнаго поселенія, — пришли въ церковь и обратились ко мнѣ съ просьбою: отслужить молебствіе о здравіи Государя Императора и всего царствующаго дома. Крестьяне обѣщали ежегодно служить молебствіе и передавать это изъ рода въ родъ, какъ завѣщаніе. Какъ скоро окончилъ я молебствіе для означенныхъ крестьянъ, — приходятъ и другіе крестьяне гг. Юзефовича и Доне, съ такою же просьбою какъ и тѣ, что и исполнено мною. Во время служенія молебствія поставлено означенными крестьянами предъ св. иконами два фунта малыхъ свѣчей и шесть свѣчей большихъ, причемъ они сами, колѣнопреклоненные, молились съ искреннимъ усердіемъ».

Просты эти строки, и заявляютъ дѣло обычное на Руси — благодарственное молебствіе. Но такова ихъ простая правда, что нельзя ихъ читать равнодушно. И отраднo думать, что подобныя молебствія совершались 19-го Февраля не въ одномъ Субботцѣ, — не въ одной Херсонской епархіи. И еще отраднѣе вѣрить, что такия молебствія *исправляются* предъ Отцемъ Небеснымъ, *яко кадила*, — и благословить Онъ

Царя — Освободителя на новое и прочное благоустройство тысячелѣтней Руси и благословить онъ освобожденные миллионы русскихъ людей на новую христіански-свободную и христіански-разумную жизнь.

Начатки этой жизни, по прежнему, проявляются всего замѣтнѣе въ епархіи кievской. Тамъ, при посредствѣ благочинныхъ и приходскихъ священниковъ, сельскія общества продолжаютъ добровольными приговорами назначать денежные и вещественныя пособія въ обезпеченіе своихъ церковно-приходскихъ училищъ. По заявленію № 3-го Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей такъ обезпечены училища въ уѣздахъ Каневскомъ, Сѣвирскомъ и Радомысльскомъ. А что доказываютъ такія обезпеченія? Не то ли, что церковно-приходскія училища Кіевской епархіи существуютъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ, существуютъ не призрачно, а дѣйствительно, удовлетворяя прямой потребности селянъ? И братство, уже второе, учредилось тамъ — въ м. Стеблевѣ каневского уѣзда. Невеликъ уставъ этаго общества, — вотъ онъ:

«§ 1. Въ братство членами могутъ поступать прихожане всѣхъ сословій, кромѣ лицъ, неодобряемыхъ по своему поведенію.

«§ 2. Братчики дѣлятся на старшихъ и младшихъ. Старшими братчиками должны числиться по своему званію непременно — волостной старшина, сельскій и церковный старосты и сотскій. Къ нимъ назначаются общимъ выборомъ изъ каждой части села по одному, о чемъ и записывается по книгѣ протокольной. Младшими братчиками числятся всѣ прочіе прихожане по § 1.

«§ 3. Цѣль братства — заботиться о содержаніи церковно-приходскаго училища, церкви, построекъ, для церковнаго причта, церковной библіотеки и о народномъ благонравіи.

«§ 4. Для братскаго прихода имѣть учредиться въ Стеблевской церкви кружка, въ которую поступаютъ слѣдующіе доходы: а) деньги, жертвуемыя отъ прихожанъ приговоромъ 2-го Декабря 1862 г., по 5 копѣекъ сер. съ ревизской души каждагодно; б) деньги, на основаніи того же приговора по 1 рублю сер. въ годъ, взимаемыя съ каждаго достаточнаго ученика церковно-приходской школы; в) плата за цѣхъ, вѣнцы при бракахъ, колокольный звонъ при погребеніяхъ — по условію; г) деньги такъ называемыя колядочныя; д) прибыль, получаемая отъ разсытки меду, по древнему обыкновенію, въ храмовой день, и другіе (дни?) по распоряженію братства и е) пожертвованія особыя. Приходо-расходная книга имѣть быть выдана благочиннымъ и храниться, вмѣстѣ съ братскою суммою въ церкви.

«§ 5. Расходовать деньги на нужды школы, церкви и причта старшіе братчики, по § 79 Положеній о крестьянахъ, могутъ двумя третями голосовъ съ согласія священника или мѣстнаго благочиннаго.

«§ 6. Предсѣдатель братства есть священникъ приходскій, а потому онъ можетъ созывать собраніе братства частнаго (изъ старшихъ братчиковъ) и общія, смотря по нуждѣ. Кромѣ того общія собранія братства должны быть не меньше двухъ разъ въ годъ, именно на другой день храмоваго праздника и на новый годъ и проч.

«§ 7. Кромѣ приходорасходной книги братство должно еще имѣть книгу для протоколовъ какъ общихъ, такъ и частныхъ собраній братства, въ которую должны вписываться требованія нуждъ § 3 и рѣшенія на оныя. Каждое дѣло окончательно рѣшаетъ приходскій священникъ, а въ случаѣ несогласія его съ обществомъ — мѣстный благочинный.

«§ 8. Старшіе братчики должны наблюдать за нравствен-

ностію своихъ участковъ прихода и о каждомъ неблагоприличномъ случаѣ сообщать священнику, который, по совѣту съ обществомъ, чинить о томъ судъ, когда дѣло не превышаетъ власти приходскаго священника и общества».

Вотъ и все. Отсюда уже видно, что учрежденіе, «братства» — дѣло не мудреное. И стоило бы нашимъ херсонскимъ сослужителямъ приняться за оное. Быть не можетъ, чтобы у прихожанъ ихъ не было слѣдовъ или, по крайней мѣрѣ, воспоминаній о древнихъ братствахъ... Быть не можетъ, чтобы не нашлось и охотниковъ возстановить старое доброе братство. А возстановлять его теперь и легко и полезно... «гоненій за вѣру нѣтъ, — пишутъ кievскія вѣдомости, — крѣпостное право уничтожено, откупная система — также; однимъ изъ правилъ новаго акцизнаго управления разрѣшается сиченіе меду къ храмовымъ праздникамъ, слѣдовательно предоставляется полная возможность возстановить одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ братскихъ. Поселянамъ нужны храмы, школы, больницы и богадѣльни: надо же приблизить къ нимъ благодѣтельную помощь врачабнаго искусства, такъ далеко стоявшую отъ нихъ доселѣ; надо же призрѣть безпомощную и безродную старость, безпріютное вдовство и сиротство, убогое калѣчество и всякаго рода бѣдность, — надо, чтобы бѣдность находила пособіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально зародилась, не скоплялась въ населенныхъ пунктахъ, огромными массами, не превращалась бы въ грязное, отвратительное нищенство, и изъ милостыни, подаенія, не дѣлала бы постыднаго промысла. Нѣтъ лучшаго средства для содержанія храмовъ Божіихъ, школъ, богадѣленъ и больницъ, какъ возстановленіе братствъ, которыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣговъ несли на себѣ всѣ подобныя и гораздо важнѣйшія обязанности, и несли съ за-

мѣчательнымъ успѣхомъ, отмѣченнымъ важными фактами, особенно въ исторіи общественнаго образованія. Не сомнѣваемся въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ возстановленія братствъ; скажемъ болѣе: мы въ нихъ видимъ инаго рода необходимость, вызываемую не одними внѣшними общественными нуждами, но внутренними потребностями и свойствами народнаго духа. — Въ народѣ нашемъ живетъ духъ ассоціаціи; уважите же ему на высшее, наиболѣе естественное проявленіе этаго духа — церковнаго братства. Народъ нашъ богатъ простою, безкорыстною, евангельскою любовію: предоставьте же ему предметы, на которыхъ бы по преимуществу сосредоточилась эта любовь, а такими предметами могутъ быть, какъ и прежде были, школы, богадѣльни, госпитали. Народъ нашъ обладаетъ замѣчательнымъ духомъ благочестія и набожности: дайте же этому духу надлежащее направленіе, обратите его на тѣже предметы христіанской любви и благотворительности, а также на содержаніе и украшеніе храмовъ Божіихъ».

Хотите знать: какимъ образомъ можно возстановлять братства? Послушайте, какъ отвѣчаютъ на это тѣже Кіевскія епархіальныя Вѣдомости: «Возстановленіе братствъ не должно, да и не можетъ быть дѣломъ официальнаго распоряженія. Братства — дѣло доброй воли и благочестивой рѣшимости, и могутъ быть вызваны къ прежней жизни единственно совѣтомъ, разъясненіемъ, моральной и нравственной поддержкой со стороны пастырей церкви. Намъ представляется возможнымъ устроить дѣло слѣдующимъ образомъ: Священникъ, пришедшій къ мысли объ учрежденіи въ своемъ приходѣ братства, въ одинъ изъ воскресныхъ или праздничныхъ дней (еще лучше въ храмовой праздникъ или по случаю общественнаго поминовенія) приглашаетъ къ себѣ по-

четнѣйшихъ прихожанъ, ведетъ съ ними рѣчь о нуждахъ церкви, о средствахъ школы (если она есть въ селѣ) о томъ, что не худо бы больницу и богадѣльню имѣть, въ краткихъ простыхъ словахъ знакомить ихъ съ исторіею братствъ, — когда и какъ возникли они и какъ устроились, чѣмъ и какъ занимались, объясняетъ значеніе благотворительности, обращенной на такіа дѣла, какъ храмы Божіи, школы, богадѣльни и больницы, и за тѣмъ предлагаетъ имъ свое желаніе возстановить, или вновь учредить братство. Недумаемъ, чтобы гдѣ-либо со стороны прихожанъ послѣдовалъ отказъ на такое предложеніе священника, если только онъ пользуется ихъ довѣріемъ и расположенностію. Въ случаѣ согласія, священникъ вписываетъ свое имя и имена согласившихся основать братство въ особую книгу или тетрадь, которую заранѣе заготовляетъ. Ежегодно вносимая братчиками сумма должна быть самая небольшая, примѣрно 50 коп. сер., при этомъ имѣется въ виду какъ несостоятельность прихожанъ, такъ и другіе разнообразныя источники братскихъ доходовъ. Послѣ этаго назначается нѣсколько времени для того, чтобы мысль объ учрежденіи братства распространилась между всеми прихожанами. Изъявившіе вновь желаніе вступить въ братство принимаются уже тѣми, которые прежде вступили, а священникъ заноситъ ихъ имена и пожертвованія въ братскую книгу. Если число братчиковъ будетъ сколько нибудь значительно, дойдетъ напримѣръ до 20, тогда можно будетъ приступить къ открытію братства. Всякія формальности были бы при этомъ неумѣстны, такъ какъ братство не получаетъ никакихъ юридическихъ правъ. Одно можетъ быть желательно при возстановленіи братствъ—это предварительное испрашивание архипастырскаго благословенія. Священникъ не распорядитель братства и не начальникъ, но только другъ, совѣт-

никъ и руководитель. По мѣрѣ средствъ братство постепенно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій и простираетъ свое пособіе на храмъ, на школу, на богадѣльню и больницу, когда послѣднія будутъ учреждены».

— Въ № 5 «Духовной Бесѣды» сообщены слѣдующія вѣсти изъ Пекина:

«По выраженной, въ донесеніяхъ начальника пекинской духовной миссіи, необходимости имѣть иконы и крестики для раздачи новообращеннымъ христіанамъ, Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ, Маріи Александровнѣ благоудно было приказать изготовить на собственное Ея Величества иждивеніе, означенные предметы и отправить ихъ въ Пекинъ вслѣдствіе такого приказанія, изготовлено въ С.-Петербургѣ и отправлено въ Пекинъ 65 иконъ, писанныхъ масляными красками на бронзовыхъ доскахъ, 200 серебряно-вызолоченныхъ крестиковъ, 25 финифтяныхъ образковъ, также въ серебряно-вызолоченныхъ оправкахъ».

«Такой милостивый и благовременный даръ Августѣйшей Благотворительницы несказанно обрадовалъ нашихъ соотечественниковъ, такъ далеко живущихъ отъ православной родины и въ столицѣ языческой трудящихся для православія. «Получить, — пишетъ достопочтенный настоятель миссіи, — такой по количеству и по качеству богатый запасъ иконъ и крестиковъ такъ для насъ необходимыхъ, мы вовсе не ожидали. Вниманіе Ея Величества къ нашимъ приходскимъ нуждамъ обрадовало насъ чрезвычайно. Этого благодѣянія мы никогда не забудемъ».

Вотъ еще отрывокъ изъ пекинскаго письма, который прочтется, думаемъ, также не безъ удовольствія:

«Новаго у насъ нѣтъ ничего. Все, по прежнему, тихо и скромно. Дѣло (миссіонерское) понемножку дѣлается. Огла-

шенія, крещенія идутъ, хотъ не слишкомъ быстро, но вѣрно и все — впередъ. Теперь христіанъ у насъ уже больше трехъ сотъ человѣкъ. Мальчики и дѣвочки учатся, и довольно хорошо. Въ дѣвичьемъ училищѣ пять дѣвиць уже кончили свой немногосложный курсъ, на мой взглядъ, очень хорошо, — и съ благословеніемъ Божиимъ, отпущены домой. Теперь на лицо 18 дѣвиць, и всѣ посѣщаютъ классы усердно».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Одессѣ, на Екатерининской улицѣ, противъ Пале-рояля, въ домѣ Бубы, въ книжномъ магазинѣ Василія Ивановича Григорьева, комисіонера хозяйственнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ, продаются слѣдующія книги:

Акаѣистъ пресвятѣй Богородицѣ, въ день празднества чудотворной Ея Иконѣ, именуемой *Утоли моя печали*, въ 4-ю долю листа, въ Кіев. въ переплетѣ въ корешкѣ, ц. 1 р., вѣс. за 3 ф.

Акаѣистъ святому великомученику и цѣлителю Пантелеимону, въ пользу Русскаго Пантелеймонова монастыря, что въ Аѳонѣ, въ 12 д. л. СПб. 1861 года въ пер. бум. Ц. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Акаѣистъ и служба преподобному отцу нашему Геннадію, костромскому и любимоградскому, въ 4 д. л. СПб. 1861 г. въ пер. бум. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Акаѣистъ святителю Иннокентію, иркутскому чудотворцу въ 4 д. л. СПб. 1862 г. въ пер. бум. Ц. 75 к., вѣс. за 2 ф.

Служба святителю и чудотворцу Тихону, епископу воронежскому, въ 4 д. л. СПб. 1861 г. въ пер. бум. Ц. 75 к., вѣс. за 2 ф.

Служба и похвальное слово преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ во св. горѣ Аѳонскѣй просіявшимъ, въ 8 д. л. въ Царьградѣ, въ пер. бум. Ц. 75 к., вѣс. за 2 ф.

Вышній покровъ надъ Аѳономъ, или сказанія о святыхъ, чудотворныхъ, въ Аѳонѣ прославившихся, иконахъ Божіей Матери и другихъ святыхъ, съ приложеніемъ 30 изображеній чудотворныхъ иконъ, въ 8 д. л. въ Царьградѣ 1861 г. въ пер. бум. Ц. 2 р., вѣс. за 3 ф.

Каноны пресвятѣй Богородицѣ съ малымъ повечеріемъ, въ 4 д. л., въ кож. пер. въ золотомъ обрѣзи. Кіевъ 1860 года. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. за 4 ф.

Письма къ друзьямъ, съ Аѳонской горы, и разговоръ съ прежде бывшими единомысленниками, мнимыми старообрядцами, о православной церкви, о ея таинствахъ и обрядахъ, русскаго св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона монастыря инока Мелетія, въ 8 д. л. Спб. 1860 г. въ пер. бум. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 3 ф.

Служба, совершаемая во святѣй горѣ Аѳонской, пресвятѣй Богородицѣ ради чудотворныя ея иконы, нарицаемая: *Достойно есть*, и въ воспоминаніе бывшаго отъ архангела Гавріила чудесе; въ 8 д. л., Царьградъ, въ бум. пер. Ц. 75 к., вѣс. за 2 ф.

Аѳонскій Патерикъ, или жизнеописанія святыхъ, во святой Аѳонской горѣ просіявшихъ, въ 8 д. л., двѣ части, Спб. въ пер. бум. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 6 ф.

О Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Иисуса Христа. Соч. архимандрита Феодора, въ 8 д. л. Спб. 1861 г. въ пер. бум. Ц. 90 к. вѣс., за 2 ф.